

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 1(3)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2017

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам III международной заочной
научно-практической конференции*

№ 1 (3)
Январь 2017 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2017

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам III междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 1 (3). – М.: Изд. «МЦНО», 2017. – 96 с.

ISBN 978-5-00021-095-6

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISBN 978-5-00021-095-6

© «МЦНО», 2017

Оглавление

Раздел 1. История и археология	6
1.1. Отечественная история	6
СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ: МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА Накишова Марина Тазабаевна	6
Раздел 2. Политология	12
2.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	12
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РОЛИ УЗБЕКИСТАНА В ШОС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ Базылева Сабрина Павловна	12
Раздел 3. Философия	17
3.1. История философии	17
АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ СИМПАТИИ В «ТРАКТАТЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ» Д. ЮМА Зеленский Олег Александрович	17
3.2. Социальная философия	23
СМЫСЛ ЖИЗНИ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ Ямпольская Дарья Юрьевна Кунижева Индира Хамидбиевна	23
3.3. Философская антропология, философия культуры	28
СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ОПЫТА В ПРОЦЕССАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ КУЛЬТУРЫ Сидоренко Владимир Александрович Сидоренко Татьяна Алексеевна	28

3.4. Этика	33
ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА НРАВСТВЕННОСТИ» Ерёмина Елена Анатольевна	33
Раздел 4. Юриспруденция	39
4.1. Административное право; административный процесс	39
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ Джигия Михаил Давидович Рекутин Владислав Александрович	39
4.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	44
УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Астапова Татьяна Юрьевна Липницкий Денис Аркадьевич	44
ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОСЛЕ АВИАКАТАСТРОФ Боев Анна Александровна Алешин Никита Валерьевич	52
ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОСЛЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ Боев Анна Александровна Алешин Никита Валерьевич	58
К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ДОГОВОРА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОЦЕНКИ Салихова Диляра Чулпановна	63
4.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	68
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ Потапова Елена Анатольевна Дресвянская Валерия Игоревна	68

4.3. Международное право	74
БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ	74
Абдрашитов Вагип Мнирович Дзейтов Харон Ахметович Рекутин Владислав Александрович	
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ	80
Волостных Владимир Сергеевич	
4.4. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	90
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ НЕГАТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	90
Шарабанов Сергей Владимирович	

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ: МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Накишова Марина Тазабаевна

*лаборант-исследователь,
Уральский Федеральный Университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, г. Екатеринбург.*

SERVICE CLASS PEOPLE OF SIBERIA: MARKERS OF SOCIAL SELF-IDENTIFICATION DURING THE LATTER HALF OF THE XVII CENTURY

Marina Nakishova

*assistant researcher of The Laboratory for the Study of Primary Sources
of The Ural Federal University
of a name of the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Russia, Ekaterinburg*

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.»

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос социальной самоидентификации служилых людей в Сибири XVII в. Основное внимание уделяется маркерам идентификации, используемым

служилыми людьми при написании челобитных. Также поднимается проблема географической привязки как практики, позволяющей обеспечить временное объединение различных категорий служилого населения.

Abstract. The article deals with the issue of service class people's social self-identification in Siberia in XVII century. The great attention is given to the identification markers used by service class people when writing petitions. Also, the problem of geographic reference as a practice which allows providing temporary association of various categories of the service class population is raised.

Ключевые слова: служилые люди; Сибирь; самоидентификация; идентификация; географический фактор; маркеры.

Keywords: service class people; Siberia; self-identification; identification; geographic factor; markers.

История Сибири в XVII в. тесно связана с процессом освоения этой территории. Распространяя свою власть за Уральский хребет, правительство испытывало необходимость в конструировании некоего социального пространства, которое могло бы подчинить себе еще неизведанные просторы Сибири и сделать их мощной ресурсной базой. Существовало множество способов, с помощью которых возможно было обеспечить эту подчиненность: часть земель передавалась в частное владение Строгановым, которым удалось создать государство внутри государства, с завидной регулярностью на разведки и на сборы ясака посылались отряды казаков и т.д. Особую роль играла политика создания на местах городских служилых корпораций, обеспечивавших безопасность границ, хозяйственное освоение, регулярность выплаты ясака и, таким образом, реализовывавших на практике волю центра.

Пожалуй, одним из самых популярных среди исследователей является вопрос формирования служилого контингента сибирских городов. Так, Н.И. Никитин в своей монографии «Служилые люди в Западной Сибири XVII века» выделяет несколько путей. На начальном этапе сибирские гарнизоны складывались за счет отрядов правительственных войск, переведенных на «вечное жительство» из ближайших городов, отрядов казаков, а также ссыльных иностранцев или представителей коренного населения (новокрещеных). В дальнейшем они пополнялись в результате наборов на местах, прежде всего, из детей местных служилых и тяглых людей. Стоит отметить, что редконаселенная Сибирь не знала массовых переводов крестьян в

служилую категорию, позже стали воздерживаться и от верстаний ссыльных как неблагонадежной категории. Не могло быть и крупных верстаний посадских людей в стрельцы. В противоположность, получила известное распространение практика перехода служилых людей в категорию тяглых. Установить, по чьей инициативе совершался подобный переход Никитину не удалось, но он отмечает очевидный добровольный характер «становления в пашню» [3, с. 58].

Важность практики административных посылок служилых людей из районов, которые уже считались обжитыми и менее нуждались в ратных силах, в районы нового освоения, в частности, в Нерчинский уезд, подчеркивает Е.А. Леонтьева. «Такими районами, – пишет она, – во второй половине XVII века были уезды Западной Сибири, из которых по мере необходимости в Восточную Сибирь посылались партии служилых людей с периодической их заменой. Такие командировки в сибирской практике назывались “посылками на годовые службы”, а сами служилые “годовальщиками”» [2, с. 28]. Причем в основе посылок лежал принцип выборности и очередности.

Конечно, невозможно не упомянуть об иностранном контингенте, сыгравшем важную роль в освоении Сибири. Иноземцы, большинством из которых были поляки и «литва», попадали в Сибирь тремя способами. Первую группу составляли военнопленные, захваченные либо непосредственно после бою, либо «в языцах». Вторые – те, кто добровольно согласился служить в Сибири, т.е. переведенцы. Остальные были сосланы за преступления, торговлю вином, убийство, пребывание во вражеском стане (измену), подготовку к переходу границы и т.д [7, с. 86]. Иноземцев в русских сотнях было немного, из них, чаще всего, формировали отдельные, так называемые, «литовские списки». Лишь в небольших гарнизонах верстание ссыльных иноземцев и новокрещенных в казаки и стрельцы было обычным явлением. Но несмотря на это, «литва» всегда занимала высокое место в сибирской общественной иерархии, следуя прямо за детьми боярскими в окладных книгах.

Таким образом, мы можем заметить, что категории, составившие группу сибирских служилых людей, были более чем разнообразны. Они имели совершенно отличающееся друг от друга происхождение, различное исходное социальное и экономическое положение и, соответственно, по-разному смотрели на жизнь. Волей случая попадая в Сибирь, они должны были приспособиться к новому социальному пространству, найти свою братию и создать социальные связи. Как служилые люди определяли себя в новой реальности? Как обозначали свою братию? Забывали ли свое происхождение или продолжали

идентифицировать себя по-старому? Все эти вопросы требуют тщательного исследования. Мы в данной статье лишь наметим аспекты, подробная разработка которых планируется в дальнейшем.

Когда исследователь обращается к проблемам идентификации и самоидентификации, перед ним неизменно становится необходимость выбора источников. В поле зрения, при отсутствии для XVII в. богатой мемуарной литературы, произведений художественной литературы и эпистолярного жанра, попадают многочисленные челобитные служилых людей, которые с достаточной долей достоверности дают представления о социальной принадлежности просителя. Как отмечает Е.В. Бородина, «традиционной причиной составления челобитной являлась конфликтная ситуация, которая могла проявляться как в форме невыполнения или ненадлежащего выполнения гражданско-правовых обязательств, так и в виде «горячих» конфликтов, вызванных прямыми межличностными столкновениями по разнообразным вопросам внутрисемейного быта и соседского сосуществования. Несмотря на то, что большая часть данных источников была составлена в судебных канцеляриях местными делопроизводителями в лице подьячих младших рангов и, таким образом, содержит в себе наряду с голосом обиженного голос представителя государственного аппарата, челобитья прекрасно отражают социальную архитектуру любого региона» [1, с. 26-27].

Обращаться к государю с челобитной сибирскому служилому человеку приходилось довольно часто. Правда, отдаленность региона обуславливала условность этого прошения (многие конфликты приходилось решать на местах) и крайнюю затянутость ожидания решения. Сообщая просьбу официальному лицу, челобитчик идентифицировал себя, используя определенный набор маркеров, варьирующихся от ситуации к ситуации.

Так, он мог представиться согласно своему положению по службе, как «из Сибири тарского города казначий атаманишко Ивашка Перфирьев» [5, Л. 15], или согласно сословному статусу, как «из Сибири березова города сынчишко боярской Фетка Бобарькин» [6, Л. 474]. Кроме того, челобитчики могли особо выделять географическое положение службы – «бьют челом холопи твои государевой дальней твоей заочной отчины великой реки Лены казачишки» [4, с. 79] или этническое происхождение – «холопи твои табольского города литовского списку конные казаки Якупка Чернызов с товарищи да бретовские служивые татаровя ... всех двенадцать человек» [5, Л. 177]. Пожалуй, мы можем назвать эти маркеры основными. Лишь изредка (в отличие от центральной России)

к ним просители добавляли свои биографические данные, сведения о материальном достатке, духовном состоянии. В 1662 г. Алексею Михайловичу о назначении в Томскую съезжую избу на место умершего подьячего просил «бедный и беспомощный сибирец томского города конный казачишко Тишка Великоселсков» [5, Л. 109].

Важно подчеркнуть, что чаще всего мы находим случаи не индивидуальных идентификаций, а групповых: авторами одной челобитной выступали люди совершенно разных идентичностей. С вполне традиционной просьбой о выдаче за прошлые года денежного и хлебного жалования обращались к царю «холопы твои из Сибири тюменского города головы и ротмистры, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и ясаулы, литва, и конные и пешие стрельцы, и казаки, пятидесятники, и десятники, и рядовые, и ружники, и оброчники, и юртовские служилые татароя» [5, Л. 283].

Общая принадлежность к сибирскому региону подчеркивалась двойной привязкой: взаимозаменяющими формулами «сибирец», «сибирянин», «из Сибири» и обозначением города, острога, региона службы. Фактически, Сибирь воспринималась, как отдельная страна, служба которой требует невероятных усилий.

Подобное единство не удивительно, ведь в трудных условиях Сибири служилые люди фактически были в равных условиях, имели одинаковые чаяния и проблемы: голод, холод, дальние посылки, невыплаты жалования, нехватка оружия и пороха. Их объединяли не столько абстрактные чины или иные социальные группы, а география, пространственная привязка. Она же являлась главным аргументом для того, чтобы просьба, изложенная в челобитной, была удовлетворена. Так, практически в каждой челобитной встречаются подобные формулы: «пожалуй меня, бедного и разоренного холопа своего, за службу и за мои многие службы и дальние посылки, и за всякое нужное терпения, и за мучения, и за увечья» [5, Л. 109] или «пожалуй нас, холопей своих, своим великого государя на прошлые годы денежным жалованием в доимку и хлебным жалованием на прошлый на 7171 год, и на нынешний на 7172 год рожью и овсом, и своим великого государя денежным жалованием вперед на 7173 год для своей великого государя службы и для нашей нужды и бедности и бесконства, чтоб нам, холопам твоим, впредь твоей великого государя службы не отбыть и в конец не погнубить, и не разориться, и в рознь не разбрестись» [5, Л. 283].

Таким образом, нельзя не заметить крайнюю подвижность категорий сибирского населения и слабость сословных перегородок. Служилый человек, прежде всего, вынужден был приспособливаться к

суровой действительности и даже самоидентификация служила этой цели. Ему важно было подчеркнуть географическую принадлежность своей службы, трудность условий и собственные жертвы, так как именно в этом он видел последнюю возможность извлечь наибольшую выгоду.

Список литературы:

1. Бородина Е.В. Сословная идентификация населения Западной Сибири в 1720-е гг. (по материалам Тюменской судебной канцелярии) [Электронный ресурс] // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.: материалы первого Всероссийского научного семинара. Екатеринбург: БКИ, 2014. С. 22-42. URL: <http://www.ihist.uran.ru/SoslovnayaIden> (дата обращения: 05.12.2016).
2. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII - первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2012. 320 с.
3. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 254 с.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 261.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 561.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 626.
7. Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : [б. и.], 2004. 212 с.

РАЗДЕЛ 2.

ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РОЛИ УЗБЕКИСТАНА В ШОС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Базылева Сабрина Павловна

*аспирант, Российский Университет Дружбы Народов,
РФ, г. Москва*

KEY ASPECTS OF THE ROLE OF UZBEKISTAN IN THE SCO AT THE PRESENT STAGE

Sabrina Bazyleva

*graduate student, Russian University of Peoples' Friendship,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты роли Узбекистана в ШОС на современном этапе в контексте международных процессов. Анализируются инициативы Узбекистана по решению вопросов водно-энергетических ресурсов, региональной безопасности, нормализации политической обстановки, партнёрства государств-членов ШОС, новых проектов, контактов с другими странами, расширение сотрудничества с ООН и другими международными организациями.

Abstract. The article discusses the main aspects of the Uzbekistan role in the SCO at the present stage in the context of international processes. It analyzes the initiatives of Uzbekistan on issues of water and energy

resources, regional security, the normalization of the political situation, partnership of the SCO member states, new projects, contacts with other countries, the expansion of cooperation with the UN and other international organizations.

Ключевые слова: Шанхайская Организация Сотрудничества; Узбекистан; Центральноазиатский регион; ситуация в Средней Азии; региональная безопасность; водно-энергетические ресурсы» партнёрство; взаимное уважение и доверие; перспективные планы; новые формы сотрудничества.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; Uzbekistan; The Central Asian region; situation in Central Asia; regional security; water and energy resources partnership; mutual respect and trust; long-term plans; new forms of cooperation.

Перед современным миром как никогда остро встали проблемы терроризма, гуманитарных и экологических катастроф, политического и религиозного экстремизма, расширения наркотрафика, транснациональной преступности, финансовых кризисов и т.д. В таких условиях самая мощная по своему потенциалу страна не может защитить себя от общих, региональных или глобальных угроз в одиночку. Данная проблема в полной мере относится и к странам Среднеазиатского региона. Средняя Азия - поле столкновения и одновременно взаимодействия многих сил и интересов. И в аспекте этого обстоятельства Шанхайскую Организацию Сотрудничества необходимо рассматривать как мощный институт международного взаимодействия, рычаг обеспечения безопасности государств и народов в рамках огромного географического пространства. В своё время Республика Узбекистан выступила одним из основателей-учредителей ШОС, став полноправным участником организации, инициатором совместной борьбы по нейтрализации и предупреждению общих угроз. На саммите в китайском городе Шанхае, состоявшемся 15 июня 2001 г., руководители Узбекистана, России, Таджикистана, Китая, Кыргызстана и Казахстана подписали Декларацию о создании ШОС. Узбекистан наряду с другими государствами-членами ШОС определяет основное направление работы - стратегию сотрудничества. С точки зрения Ташкента, главное – концентрация усилий по обеспечению региональной стабильности, развитию экономических и инвестиционных форм сотрудничества [1, с. 12]. Не случайно Президент Узбекистана Ислам Каримов постоянно подчёркивает, что ШОС – это действенный и

перспективный механизм многостороннего, открытого и конструктивного партнёрства.

Хронология деятельности Узбекистана в ШОС обширна:

- Под председательством и при активном участии Республики Узбекистан в 2004 г. в Ташкенте во время саммита Организации были подписаны следующие важные документы: «Положение о статусе наблюдателя при ШОС» и «Порядок взаимодействия ШОС с наблюдателями».

- В январе 2004 г. в Ташкенте был открыт Антитеррористический центр ШОС. РАТС – это постоянный действующий орган ШОС. Место его расположения – это Ташкент, столица Узбекистана. Главные функции: осуществление координационной деятельности государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом.

- С мая 2005 г. позиция Узбекистана в отношении к ШОС кардинально изменилась. Узбекистан показал, что видит в ШОС надёжного гаранта стабильности в среднеазиатском регионе, что подтверждает активизация деятельности по линии дипломатии, а также увеличение числа встреч со странами-членами ШОС. За время этих встреч Узбекистан активно использовал свои дипломатические ресурсы, чтобы продвинуть и реализовать идеи развития ШОС, укрепления роли организации в регионе.

- В июне 2010г. в Ташкенте прошёл очередной саммит, где были утверждены «Положение о приёме новых членов в ШОС» и «Правила процедуры ШОС», приняты соглашения правительств государств-членов ШОС в области сотрудничества в сфере сельского хозяйства и борьбы с преступностью. В рамках председательства Узбекистана в ШОС в 2010 г. запущен механизм встреч руководителей министерств и ведомств членов ШОС по науке и технике.

- Ноябрь 2013 г. - в Ташкенте состоялось двенадцатое заседание Совета глав правительств государств-членов ШОС: произошёл обмен мнениями по широкому перечню вопросов в мировом и региональном экономическом развитии, были обсуждены проблемы торгово-экономического, гуманитарного, культурного сотрудничества в рамках ШОС, приняты решения о продолжении дальнейшего сотрудничества в сфере транспорта и т.д.

- В 2015-2016 гг., во время своего председательства в ШОС, Узбекистан отстаивал принципы преемственности, последовательного укрепления, взаимовыгодного развития, которые в целом отвечают интересам государств ШОС, а также продолжил системную работу, обеспечивающую неуклонный рост авторитета Организации на международной арене.

Во всех данных этапах работы ШОС отмечается активная позиция Узбекистана, его заинтересованность в совершенствовании механизмов Организации [2].

Кроме того, Узбекистан выступает за поиски решения так называемой афганской проблемы, чему, по мнению руководства Республики, должно способствовать создание Контактной группы «6 плюс 3» под эгидой ООН в форме консультативно-дипломатического органа ШОС, куда могли бы войти государства, непосредственно граничащие с Афганистаном, а также такие крупные державы, как Россия и США. Стратегия Узбекистана направлена на поиск новых форм экономического сотрудничества, партнёрства в сфере политики, культуры. Большое внимание в ШОС Узбекистан уделяет пограничным проблемам, связанным, в частности, с сохранением уникальной экосистемы региона, рационального использования водно-энергетических ресурсов Среднеазиатского региона, то есть использования водотоков так называемых трансграничных рек (Амударья, Сырдарья), учитывая проблему высыхающего Арала [1, с. 14]. Здесь должны учитываться интересы абсолютно всех государств региона, а не только территорий в верховьях рек. Эксперты Узбекистана (учёные-геологи, экологи) активно ищут способы решения обозначенных вопросов, чтобы Республика могла выходить на уровень ШОС с конкретными предложениями, техническими обоснованиями.

Также в плане долгосрочного планирования для Узбекистана, как для других участников шанхайского процесса, определяющим служит факт: взаимодействие стран в рамках Шанхайской Организации приносит государствам-членам ощутимые успехи в геополитическом и стратегическом планах. В частности, деятельность ШОС предполагает активную интеграцию Китая, расширяющую сам формат регионального взаимодействия. Это даёт странам Средней Азии дополнительные гарантии поддержки и безопасности, в том числе в области неприменения и сдерживания угрозы применения ядерного оружия. Узбекистан в сегодняшних непростых условиях понимает, что укрепление и рост авторитета ШОС прямо способствует усилению привлечения внимания западных стран к Средней Азии, от чего выигрывает сама Республика. Поэтому один из главных приоритетов дальнейшего функционирования Организации - обеспечение региональной безопасности, всестороннее взаимодействие с Китаем и Россией.

Ещё необходимо отметить, что Узбекистан твёрдо следует принципу, связанному с не созданием каких-либо военных блоков,

которые направлены против других стран, регионов. Это характеризуется как политика открытости в международных отношениях, способствующая расширению партнёрства для противодействия вызовам и угрозам региональной безопасности, содействия устойчивому социально-экономическому развитию членов ШОС, осуществления общих инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Во время последнего саммита ШОС в Астане Президент Узбекистана чётко сказал о принципиально новом подходе Республики к своему участию в деятельности Организации, о новой концепции безопасности для членов ШОС. Основа концепции - тезис о полной ликвидации иностранных военных баз в регионе Центральной Азии как прочной основе безопасности. Президент Узбекистана также отметил, что его страна заинтересована в том, чтобы Шанхайская Организация Сотрудничества превратилась в реальный механизм укрепления безопасности, решения важных политических, экономических и других проблем.

Таким образом, участие в ШОС создало новые возможности для экономической интеграции Узбекистана с членами Организации. Приоритет – укрепление сотрудничества с Россией и Китаем, а также регионами Европы и Юго-Восточной Азии, например, в сфере транспорта и инвестиций, что должно благоприятно сказаться на самом Узбекистане. Такой прагматический подход является взаимовыгодным.

Список литературы:

1. Бекмуратов И.Н. Перспективы развития ШОС: взгляд из Узбекистана. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 21 (236). Политические науки. Востоковедение. Вып. 11. С. 11–16.
2. «Узбекистан обогатил деятельность ШОС новым содержанием». Статья испанского издательства Intereconomia <http://www.xdp.uz/ru/news/world/?ID=38928> (Дата обращения к электронному ресурсу: 11.11. 2016).

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ СИМПАТИИ В «ТРАКТАТЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ» Д. ЮМА

Зеленский Олег Александрович
канд. филос. наук, ст. преподаватель,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
РФ, г. Москва

ASPECTS OF SYMPATHY CONCEPTION IN D. HUME'S "A TREATISE OF HUMAN NATURE"

Oleg Zelenskiy
PhD, senior lecturer of Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow

Аннотация. В статье дается анализ различных аспектов понятия симпатии в главном сочинении Д. Юма – «Трактате о человеческой природе». Автор пытается установить связь между ними и разрешить некоторые спорные проблемы с толкованием процесса симпатии.

Abstract. Analysis of different aspects of sympathy conception in the general work of D. Hume, "A Treatise of Human Nature", has been done in this article. Author tries to make connection between them and solve some vexed problems of the sympathy process interpretation.

Ключевые слова: симпатия; человеческая природа; аффекты; эмоции; впечатления; идеи.

Keywords: sympathy; human nature; affects; emotions; impressions; ideas.

В юмовском философском лексиконе понятие симпатии занимает особое место. Трудно найти в его произведениях какое-либо другое, вобравшее в себя большее многообразие смыслов. За этой многозначностью очень важно увидеть общую картину, объединяющую различные аспекты. Разглядеть эту картину мы и попытаемся в этой статье. Автор данного исследования следует общепринятым нормам цитирования сочинений Д. Юма. В начале ссылки указываются, соответственно, книга, часть, глава и параграф данного места «Трактата о человеческой природе», а затем через точку с запятой – номера страниц в издании [2]. В ссылках на «Диссертацию об аффектах» указывается DP, глава и параграф данного места.

Общий контекст появления симпатии в «Трактате о человеческой природе» задан юмовской философией познания. Главными элементами нашего познания считаются впечатления и идеи, все идеи имеют предшествующие впечатления, и те, и другие являются составляющими *внутренней* жизни познающего субъекта. Наше «Я», согласно I книге «Трактата», - не более, чем пучок наших перцепций. Собственные перцепции нам доступны, в тот время как прямого доступа к чужим у нас нет. Для подобной философской позиции остро встает вопрос эффективной коммуникации между людьми. Менее болезненно это происходит, когда речь идет о внешних объектах, доступных для наблюдения и другим окружающим, но когда речь заходит о *приватном* опыте, возникают особые затруднения. Как мы можем передавать, например, свои эмоции и чувства другим? В контексте передачи приватного опыта и возникают юмовские рассуждения о симпатии.

Во-первых, должна быть некая объективная основа для подобной коммуникации, ведь ее случаи не являются чем-то исключительным, а распространены повсеместно. Юм находит ее в *единообразии человеческой природы*. Он толкует это единство в духе эмпиризма: не столько как общность *исходных принципов* (ultimate principles) человеческой природы, которые нам неведомы, сколько общность *проявлений*, замечаемых в опыте: сходство других людей с нами, общность аффектов, наличие общих предметов, вызывающих удовольствие или страдание. В то время понятие человеческой природы было широко обсуждаемо в философии, ряд споров вызвала концепция эгоизма Т. Гоббса. Юм скорее выступает критиком гоббсовской теории, отмечая, что подход, защищающий всеобщий эгоизм людей, противоречит многочисленным примерам благожелательности человеческой природы [1, с. 51-52]. Среди контраргументов Юма можно найти и тот, согласно которому чувство

близости своему роду есть уже у животных, а потому привязанность к себе подобным носит инстинктивный характер [ср. 2.2.5.15; 2, с. 234]. Внешние выгоды, полученные человеком, теряют всякий смысл при полном отсутствии общения [2.2.5.15; 2, с. 234 - 235], а это заставляет заботиться не только о себе, но и об окружающих.

Второй момент, который стоит отметить в отношении симпатии, – то, что она включает в себя познавательный процесс. Аффекты других людей не воспринимаются нами непосредственно, симпатия редко является спонтанной, а, как правило, требует от нас «определенных обзоров и размышлений (certain view sand reflections)» [2.1.11.3; 2, с. 206]. Наличие внешних (вербальных и невербальных) признаков аффекта вызывает в нас идею этого аффекта, и если эта идея ассоциируется с идеей нашего «Я», то возникает аффект, но уже в форме живого впечатления. От следствий мы продвигаемся к причинам, и, если нам неизвестно, что определенный аффект имеет соответствующие проявления, симпатии в нас он не вызовет.

Стоит сказать отдельно по поводу значимости идеи «Я». Влияние идеи «Я» можно проследить в нескольких направлениях. Во-первых, в зависимости от степени близости ко мне лица, которому я симпатизирую, у меня может возникать более или менее живой аффект. Во-вторых, симпатия больше, если идея аффекта соответствует тому, что я сам переживал ранее.

Не противоречат ли друг другу, с одной стороны, тесная связь симпатии с идеей «Я» и, с другой стороны, единство со всем человечеством? Безусловно, наше «Я» пристрастно: мы кого-то считаем друзьями, а кого-то врагами, и крайне редко мы можем прочувствовать истинность идеи «Все люди – братья». Однако если бы *наш конкретный опыт*, впечатления, аффекты, которые мы переживаем, не согласовывался с опытом других людей, то рассуждения о единстве человечества были бы пустыми. Таким образом, именно наш собственный опыт является «ключом» к осознанию такого единства.

Связь симпатии с идеей нашего «Я» показывает, согласно Юму, что симпатия возможно только тогда, когда аффекты другого человека затрагивают нас. Если связь с нашим «Я» незначительна, то в нас может либо вовсе не произойти отклика, либо он будет слишком поверхностным. С другой стороны, симпатия слаба и в том случае, когда мы слишком увлечены собственным интересом: в таком случае мы воспринимаем его аффекты не прямо, а косвенно, сравнивая со своими, и тогда то, что реально переживает другой человек, отходит на второй план [2.2.9.1; 2, с. 245]. Хотя и в том, и в другом случае возможна

случайная кратковременная симпатия, на наиболее эффективная симпатия, по Юму, возможна, если внимание к идее «Я» носит умеренный характер. Идеи Юма легко подтверждаются практическим опытом: нас трудно увлечь чем-то совершенно неинтересным для нас, с другой стороны, если мы слишком заняты своим текущим состоянием, то это способствует ригидности мышления и нежеланием принимать что-то новое.

Хотя, как уже сказано, симпатия подразумевает определенный познавательный процесс, однако на этом она не заканчивается. На мой взгляд, процесс симпатии можно описать в трех словах: «познать – породить – передать». «Познать» - только первый акт, когда мы формируем в себе идею аффекта другого человека. «Породить» - это стадия, когда идея в нас превращается в соответствующий аффект. Здесь стоит отметить, что аффект, порожденный нами, может не согласовываться ни с нашими переживаниями, ни с переживаниями другого лица. Иногда радость другого человека вызывает в нас злость, особенно когда мы считаем его своим соперником. Напротив, мы можем радоваться за другого человека, а он может выражать совершенно спокойные эмоции. В первом случае симпатия кратковременна, и ее «заглушает» сравнение с нашим «Я». Второй случай показывает, что часто порождаемые эмоции зависят от влияния общих правил: если считается обычным радоваться за человека в подобных ситуациях, то мы это делаем, даже если он не подает никакого виду. Как отмечает Юм, часто контраст оказывает на нас больший эффект, чем сходство [2.2.7.6; 2, с. 240]. Однако порожденного аффекта недостаточно для коммуникации, его еще нужно «передать», и, описывая этот аспект, Юм сравнивает людей с зеркалами, отражающими эмоции друг друга [2.2.5.21; 2, с. 236]. Более яркую иллюстрацию этому явлению Юм дает в «Диссертации об аффектах»: «... если мы рассмотрим человеческий ум, то мы заметим, что в отношении аффектов он не похож на духовой музыкальный инструмент, который, проигрывая все ноты, немедленно перестает звучать, когда дыхание прекращается, но скорее напоминает струнный инструмент, где после каждого щипка вибрации все еще сохраняют некоторый звук, который постепенно и незаметно затухает» [DP, 1.10]. Таким образом, аффект или эмоция могут передаваться от одного к другому человеку путем «заражения».

Следующий важный аспект симпатии – она тесно связана с моралью и моральным чувством. Отвергая происхождение морали на основе априорного сравнения идей, Юму необходим другой источник. И он находит его, прямо заявляя в заключении к III книге, что

«симпатия является главным источником моральных различий» [3.3.6.1; 2, с. 394]. Влиянием симпатии Юм объясняет то, что мы почитаем справедливость как искусственную добродетель, несмотря на общее непостоянство человеческих установлений [3.3.1.9; 2, с. 369]. Как искусственные, так и естественные добродетели по Юму роднит тенденция способствовать благу человечества, а стремление к осуществлению этого блага имеет своим источником симпатию.

Если мы вчитываемся в текст III.3 «Трактата», можно заметить такую трудность: почему, если добродетельно, в конечном счете, то, что служит благу человечества, мы называем добродетельными также и те качества, которые полезны и для самих людей и способствуют осуществлению их личных интересов [ср. 3.3.1.24; 2, с. 375]? Однако это трудность только кажущаяся: то, что мы называем добродетельными качества, способствующие личному успеху другого человека, может опять-таки быть объяснено с помощью симпатии. Такие качества в целом вызывают положительные эмоции у окружающих, поскольку они хотели бы ими обладать, и эти эмоции передаются другим. Формирующийся таким образом положительный эмоциональный фон способствует тому, что эти качества считаются добродетельными.

Юмовский анализ симпатии не лишен своих трудностей. Не вполне ясным оказывается каузальный процесс симпатии: в I книге «Трактата» Юм рассматривает причинные связи на примерах внешнего опыта, однако, когда речь заходит об аффектах, то мы не можем их наблюдать так же, как наблюдаем предметы внешнего опыта. В то же время именно постоянная повторяемость в процессе наблюдения и порождает, согласно Юму привычку, благодаря которой мы можем говорить о причинно-следственной связи явлений. Трудности возникают и при более внимательном рассмотрении идеи «Я». Кажется, что в некоторых местах II книги Юм развивает другой взгляд на эту тему, нежели предложенная в I книге концепция «Я» как пучка перцепций. Поскольку наши перцепции находятся в постоянном потоке изменения, то о неизменной идее «Я» говорить не приходится. С другой стороны, некоторые высказывания во II книге показывают, что Юм отталкивался от неизменности такой идеи (см. особенно 2.2.1.2, где Юм говорит о «Я» как о тождественной личности, *identical person*). Более того, моральная теория Юма нуждалась если не в идее неизменного «Я», то, по крайней мере, достаточно стабильного, поскольку, когда речь идет о моральной оценке, то она требует наличия стабильных черт характера [3.3.1.4-5; 2, с. 367 - 368]. Если представление о стабильности «Я» иллюзорно, то причины этой

иллюзии надо объяснить. Эта тема еще долго будет беспокоить великого философа.

Несмотря на свои недостатки, концепция симпатии оказалась достаточно продуктивной. Понятие симпатии появляется в качестве одного из ключевых в трудах А. Смита, а проблема эмоционального «заражения» до сих пор беспокоит умы ряда психологов и философов.

Список литературы:

1. Зеленский О.А. Исторический контекст моральной философии Дэвида Юма// Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 48. С. 49 – 54.
2. David Hume. A Treatise of Human Nature // Ed.by David Fate Norton and Mary J. Norton. Oxford: Oxford University Press, 2009.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СМЫСЛ ЖИЗНИ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Ямпольская Дарья Юрьевна

*канд. филос. наук, ст. преподаватель,
Северо-Кавказский Федеральный Университет,
РФ, г. Пятигорск*

Кунизева Индира Хамидбиевна

*студент, Северо-Кавказский Федеральный Университет,
РФ, г. Пятигорск*

THE MEANING OF LIFE IN THE FACE OF DEATH

Daria Yampolskaya

*candidate of Sciences,
Senior Lecturer North-Caucasian
Federal University,
Russia, Pyatigorsk.*

Indira Kunizheva

*a student of the North Caucasus
Federal University,
Russia, Pyatigorsk.*

Аннотация: В статье рассматривается один из основных вопросов философии поиск и понимание смысла жизни. По мнению автора, изучение смысла жизни в свете философии искусства и эстетических теорий путем анализа значения прекрасного и безобразного позволяет выявить теоретические и практические пути очищения нравов и утончения вкусов членов общества.

Abstract. In article one of the main questions of philosophy search and understanding of meaning of life is considered. According to the author, studying of meaning of life in the light of philosophy of art and esthetic theories by the analysis of value fine and ugly allows to reveal theoretical

and practical ways of clarification of customs and thinning of tastes of members of society.

Ключевые слова: смерть; философия смерти; страх смерти; смысл жизни.

Keywords: death; philosophy of death; fear of death; meaning of life.

Проблема относительно смысла жизни и смерти на протяжении уже многих веков остается важной для каждого из нас. Каждый человек рано или поздно задается вопросом, как нужно прожить свою жизнь, ведь мы живем один раз и смерть неизбежна. Восприятие смерти является одной из вечных проблем философии.

Смысл жизни, смысл бытия - философская и духовная проблема. В вопросе о смысле жизни нельзя не обратиться к античной философии. В ней данный вопрос раскрывается по-разному. Сократ смысл жизни видел в счастье, достижение которого связано с добродетельной жизнью, знанием нравственных понятий. Он считал, что стремится к мудрости – это и есть смысл жизни человека. Делать всякое благо, не думая о деньгах, сохранять в себе человеческие, душевные качества являлось для него главным [1]. Аристотель полагал, что целью всех человеческих действий является счастье, которое состоит в осуществлении сущности человека. «Счастье есть смысл и назначение жизни, единственная цель человеческого существования» - говорил он. Человек для него – это, прежде всего, интеллект и высшее благо неотделимо от самосовершенствования [2].

На других этапах развития европейской философии вопрос о смысле жизни несет такой же разнообразный характер. Особое внимание хотелось бы уделить Канту, который видел смысл жизни в следовании принципам нравственного долга. Он считал, что смысл жизни не существует сам по себе, он живет в осознании индивидом своего бытия и является проявлением личности человека. Именно данный смысл помогает человеку в трудных жизненных ситуациях следовать этическому закону. Он говорил: «Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность» [3]. Ницше же смысл жизни видел в «воле к власти». Он считал, что все что хочет жить, должно иметь энергию, усилия, стремления для того, чтобы подняться, встать и выстоять. Желание жить возможно лишь благодаря неустанному возрастанию [4]. Смысл жизни он видел в том, чтобы добиться реализации своего «Я», делая ставку на интеллектуальную и физическую силу. Вся человеческая жизнь в его понимании есть искание лучших ценностей, которыми мы обладаем. Если у человека не будет цели и смысла, то тогда просто напросто

этого человека не будет. «Убейте в человеке веру в его цель, и вы убьете в нем человека. Примиритесь с существованием, в котором не видишь цели и смысла, значит в конце концов отречься от разума» - пишет русский философ Е.Н. Трубецкой [5].

В вопросе о жизни и смерти нельзя не отметить роль экзистенциализма. По экзистенциальной философии человек есть временное конечное существо, предназначенное к смерти. Человек задумывается о смысле жизни потому, что есть смерть. Человек бессознательно пытается убежать от смерти, тем самым он ведет активную жизнь, ставит перед собой цели. Это заставляет проявлять чувство ответственности за свою жизнь. По мнению философов-экзистенциалистов XX в. проблема смерти особенно значимой становится в критических ситуациях человека. И только с этого момента человек начинает задумываться о смысле прожитой жизни, происходит переоценка ценностей, мир человека в какой-то степени меняется.

Обратимся к мнению Г.Л. Тульчинского, который считает, что «сама мысль об индивидуальном бессмертии человека просто несовместима с идеей смысла жизни... Поступки бессмертного существа, имеющего «достаточное время» в будущем (да и имевшего его в прошлом) для своего совершенствования, не могут подпадать под оценки с позиций добра, гуманности и т. д. Его существование лишено ценностей, идеалов, ответственности, оно внеморально» [6]. Возможно, теория Г.Л. Тульчинского является абсолютно правильной. Мы не можем сказать об этом точно, так как ни один человек не является бессмертным. Но мы и не можем отвергать эту идею, поскольку на протяжении всей жизни мы ставим перед собой цели, идем вперед, пытаемся совершенствоваться, имеем определенные ценности и несем ответственность за свою жизнь, зная о предстоящей смерти.

К противоположному мнению склонялся И. Ялом [7], отмечавший, что, возможно, если бы жизнь была бесконечной, она все равно имела бы смысл, каждый момент этой жизни был бы насыщен смыслом, можно было бы ценить и осмысливать то, что есть, то, что происходит здесь и сейчас.

Но правда ли, что мысль о смерти несёт столь важную роль в нашей жизни, попытаемся углубиться в этот феномен. Возможно, мы живем, не придавая этому особого значения, но при этом мы пытаемся достичь в жизни каких-то высот. Но если мы знаем, что конец жизни неизбежен, зачем же стараться прожить её достойно?!

Говоря об этом феномене, можно привести пример из жизни, указывающий на то, что людям, пережившим близость смерти, свойственно с особенной остротой ощущать жизнь. Человек, стоявший на пороге гибели, но в итоге ее избежавший, после этого начинает ценить каждую отпущенную ему минуту, по крайней мере, на какое-то время.

Существует ряд исследований на тему изменения восприятия жизни перед угрозой смерти. И хотя они и не демонстрируют прямого роста осмысленности жизни, но все-таки отмечаются некоторые изменения, которые можно было бы принять в качестве такового.

Нам кажется, что подобным состоянием можно было бы назвать, например, состояние влюбленности, при котором резкий эмоциональный всплеск заставляет человека с необычайной силой ощутить жизнь. Влюбленный человек вдруг начинает замечать пение птиц, наслаждаться каждым глотком воздуха и т. д. Сходный эффект может иметь так же освобождение из тюрьмы, выздоровление от сильной болезни или какое-то важное достижение. Этот эффект кажется нам похожим на то, как человек с необычайной силой ощущает вкус привычных блюд, если он провел некоторое время в состоянии сильного голода. Таким образом, мы считаем возможным признать, что мощные переживания (причем, не только негативные!) способны актуализировать жажду жизни.

Принято считать, что человек, осознавая мысль о смерти, пытается направить свою жизнь в правильное русло, прожить ее достойно, что эта мысль дает некий толчок, стимул каждому человеку. Ведь размышляя об этом, мы понимаем всю важность нашей жизни. Самоответственность, самодисциплина, являются важными атрибутами в формировании смысла жизни у индивида. Отсюда и формируются любовь к жизни, инстинкт самосохранения, стремление к счастью. Человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки для того, чтобы жить и активно действовать. Человек не изобретает смысл, а находит его в мире объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации[8].

Мысли о смерти, о том, что наша жизнь не бесконечна, играют важную роль в нашей жизни, они дают нам стимул для достижения целей, которые каждый человек ставит перед собой на протяжении всего существования. Можно сказать, что осознание смертности является импульсом человеческой активности, творчества, саморазвития. Поэтому каждый человек, осознавая, что жизнь одна, пытается прожить её достойно, достигать в жизни каких-то высот для

собственного комфорта. Смерть является сильной мотивацией, так как мы понимаем, что жизнь ограничена, и это мотивирует нас использовать жизнь по максимуму. Мысли о смертности позволяют задумываться о том, что мы ценим в жизни.

Список литературы:

1. Голубаева Г.А. Этика. – М.: Экзамен, 2014. – 320 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Том 6. - М.: Наука, 2012. - 743 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. - М.: Культурная революция, 2011. 880 с.
4. Трубецкой Е.Н. Философия Ницше. Критический очерк. - М.: 2013. - 161 с.
5. Тульчинский Г.Л. Танатология // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2013.
6. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2012.
7. Античные философы о смысле жизни. Сократ - [Электронный ресурс]. - URL: <http://krasnov.tv/antichnye-filosofy-o-smysle-zhizni-sokrat> (дата обращения 28.12.2016)
8. Аристотель. Никомахова этика - [Электронный ресурс]. - URL: http://royallib.com/read/aristotel/nikomahova_etika.html# (дата обращения 28.12.2016)

3.3. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ОПЫТА В ПРОЦЕССАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ КУЛЬТУРЫ

Сидоренко Владимир Александрович

*канд. филос. наук,
доц. кафедры философии, социальных и гуманитарных наук
Луганский государственный медицинский университет,
Луганская народная республика, г. Луганск*

Сидоренко Татьяна Алексеевна

*ассистент кафедры философии, социальных и гуманитарных наук
Луганский государственный медицинский университет,
Луганская народная республика, г. Луганск*

CORRELATION OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE EXPERIENCE IN THE PROCESS OF ADAPTIVE CULTURAL MECHANISMS FUNCTIONING

Vladimir Sidorenko

*PhD, associate professor, Lugansk state medical university,
Lugansk People's Republic, Lugansk*

Tatiana Sidorenko

*Lugansk state medical university,
Lugansk People's Republic, Lugansk*

Аннотация. Статья посвящена исследованию адаптационной функции культуры и механизмов ее реализации. В статье проведен анализ включения фрагментов коллективного опыта в индивидуальную

мировоззренческую систему человека и обратного процесса пополнения культуросферы как хранилища наиболее успешных решений человечеством стоящих перед ним проблем.

Abstract. The paper is devoted to the study of adaptive functions of culture and the mechanisms for its implementation. An approach to a cognitive schema as an adaptive mechanism, described in the article, reveals the ratio of personal and collective experience as the main schema creating factor.

Ключевые слова: культурная адаптация; индивидуальный опыт; коллективный опыт; когнитивная схема.

Keywords: cultural adaptation; individual experience; collective experience; cognitive schema.

Глобализированное общество начала XXI века с его культурно-интеграционными составляющими требует от субъектов этих процессов определенных изменений, направленных на уменьшение адаптационной нагрузки на функциональные системы индивида. Постоянно растущие объемы информации в общечеловеческой культуросфере вызывают существенные трудности в отношении усвоения, интериоризации и использования данных, рост количества которых носит лавинообразный характер. В данной ситуации особую важность приобретает степень эффективности связей и взаимоотношений субъекта с культуросферой, с тем огромным объемом знаний, который составляет культурный опыт человечества и который в настоящее время удваивается каждые три года с тенденцией к дальнейшему ускорению роста.

Общефилософский базис теорий культурной адаптации разрабатывался в работах С. А. Арутюнова, Н. А. Бердяева, В. Дильтея, Дж. Дьюи, Г. Зиммеля, Б. К. Малиновского, Х. Плеснера, П. А. Сорокина, А. Тойнби, Т. Шварца, А. Швейцера; мысленческо-эволюционное направление, считающее основой культурной адаптации развитие мыслительных и психических структур, представлено в исследованиях М. М. Болдырева, К. Леви-Стросса, Ж. Пиаже, Г. Селье, Г. и П. Харлоу, К. Г. Юнга; исследование гносеологических аспектов культурной адаптации, которые трактуют адаптацию как движение от незнания к знанию, нашли выражение у Н.М. Гарнцевой, Р. Д'Андрада, Дж. Лакоффа, С. Пинкера, Э. Рош, Дж. Туби; нормативное направление разработки теории адаптации отражено в трудах Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г.Г. Слышкина, Дж. Стюарда, П. Фейерабенда, Э. Фромма. Однако стоит отметить, что вышеупомянутые исследования не

раскрывают в достаточной мере принципы формирования и функционирования адаптационных механизмов культуры вследствие фокусирования внимания на других (иногда параллельных и смежных) объектах философской антропологии или разработке общеполитических категорий в этой области.

Учитывая все большую зависимость индивидов и культурных групп от общечеловеческого информационного массива, возникает вопрос о механизмах получения этой информации и механизмах обратного действия - пополнения культуросферы новейшими достижениями. Такие механизмы должны приспособлять индивидуальный опыт носителя к общему культурному опыту человечества, выступая, таким образом, в роли адаптационных механизмов культуры. Отдельным пунктом в классификации культурных паттернов стоит мимикрия - попытка скопировать схему культурного движения без ее интериоризации. Чаще всего мимикрия становится следствием системных противоречий, которые возникают из-за критических конфликтов новой схемы с уже существующими и имеющими высокий рейтинг надежности. При этом новая схема принудительно интегрируется в когнитивную систему, что требует существенных ментальных усилий, нарушая принцип когнитивной экономичности, который является одним из основополагающих в процессе функционирования схем. Мимикрия в значительной мере является шоковым адаптационным механизмом, поскольку схемы такого типа применяются лишь при условии невозможности ассимилировать схему, например, при перемещении в другое этнокультурное окружение или социальную группу.

Позитивная направленность культурной деятельности приводит к пересечению адаптационной функции культуры с негэнтропийной. Энтропия трактуется как степень дезорганизованности информационной системы [1, с. 7], которая состоит из многих компонентов, то есть энтропия является эмерджентным фактором, присущим системе в целом и не свойственным ни одной из составляющих в отдельности. Адаптируя когнитивную систему субъекта к общепринятому направлению развития, культура уменьшает собственный уровень энтропии и хаотичности, увеличивая таким образом упорядоченность и организацию. В случае недостаточно эффективной работы адаптационных механизмов уровень энтропии растет, и культура приобретает непредсказуемые, неконтролируемые, а иногда пагубные направления развития.

Как область творческого поиска культура решает вопрос новых возможных ответов на вызовы истории и природы для решения

актуальных проблем общества. Культура ищет пути адаптации общества к трансформациям и взаимоотношениям с другими цивилизациями, сохранения социальной группы как уникального феномена. Культура отвечает на деструктивные вызовы со стороны человечества, поскольку содержит механизмы приоритетности ценностей, вследствие чего определенные явления цивилизации отходят на второй план, в то время как другие поступают в общечеловеческий культурно-информационный массив. Отличаясь от цивилизации, включающей в себя как креативные, так и деструктивные явления, культура является гуманистической, позитивной, она является носителем творческого начала человеческой личности. Это объясняет вышеупомянутую позитивную направленность культурной адаптации.

Мы знаем по опыту, что на нас влияют воздух, климат, земля того места, где мы родились; причем они влияют не только на цвет нашей кожи, на наш рост, телосложение и осанку, но и на наши душевные качества. Люди меняют свой нрав, если их переселить в другое место, совершенно так же, как и деревья [2, с. 621]. Поэтому окружающая среда, включая как естественную, так и социокультурную составляющие, требует приспособления к ее изменяющимся условиям, особенно учитывая постоянное движение и развитие окружающих человека объектов современного мира.

Адаптация может быть направлена как на изменение внешнего мира с целью приведения его в гармонию с уже сложившейся ментальной структурой индивида, так и на коррекцию внутренних когнитивных схем с целью соответствия изменившимся условиям существования. Данные типы адаптации получили название аллопластических и аутопластических соответственно. Базовое описание алло- и аутопластических изменений было дано Ф. Александером и З. Фрейдом [4, с. 368], впоследствии данное направление вошло в область когнитивной психологии, трансформировавшись у Юнга, Айзенка и др. в экстравертную и интровертную модели адаптации. Отдельным типом выделяется адаптация, связанная с поиском среды, соответствующей идеям, без трансформации внутренних или внешних свойств [5, с. 26-27]. Также следует отметить два противоположных направления, изучающих степень активности субъекта при участии в адаптационных процессах. Первое предполагает деятельную позицию индивида, направленную на гармонизацию внутреннего мира с окружающей средой (Л. Ивз, Н. Мартин, Р. Хенке), второе трактует адаптацию как процесс

пассивного усвоения норм культуры, установленных в обществе (Р. Мертон, Р. Линтон, Дж. Мид).

Культурная обусловленность и коллективная природа когнитивных схем, ответственных за социальную адаптацию, признается представителями психолингвистического направления исследований (Н. Хомский, А. А. Леонтьев, Дж. Фодор, М. Таненхаус), при этом схема включается в структуру сигнификата. Лингвистический подход значительно сокращает собственно когнитивные функции схемы, сводя ее к пассивному отражению и таксономической классификации денотата, а также в обязательном порядке соотнося с языковым знаком, в результате чего теряется одна из важнейших характеристик когнитивной схемы - автоматизм. Схема реализуется имплицитно, невербализованно и мгновенно [3, с. 180], будучи не только и не столько хранилищем информации, сколько системой ее обработки и регуляции поведения без непосредственной привязки к речевой деятельности.

Таким образом, когнитивная схема выступает механизмом преобразования коллективного культурного опыта в индивидуальный, обеспечивая информационный взаимообмен субъекта с культуросферой. Указанные моменты обуславливают актуальность дальнейшего исследования проблемы, с одной стороны, необходимостью идентификации когнитивной схемы в ряду смежных объектов философской антропологии и других адаптационных механизмов культуры, с другой стороны, недостаточной степенью разработанности самой теории схем, в том числе в отечественной науке, в частности, в сфере структурных и функциональных характеристик.

Список литературы:

1. Мартин Н., Ингленд Дж. Математическая теория энтропии. – М.: Мир, 1988. – 350 с.
2. Монтень М. Опыты. Книга третья. – М: Наука, 1981. – 535 с.
3. D'Andrade R. G. The Development of Cognitive Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 272 p.
4. Gay P. Freud: A Life for Our Time. – London, 1989. – 808 p.
5. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation. – New York, 1964. – 121 p.

3.4. ЭТИКА

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА ПРАВСТВЕННОСТИ»

Ерёмина Елена Анатольевна

*канд. филос. наук, ст. методист,
Когалымский политехнический колледж,
РФ, г. Когалым*

THE PARADOX OF THE EXISTENCE OF "GOLDEN RULE MORALITY"

Elena Eryomina

*PhD, Kogalym Polytechnic College,
Russia, Kogalym*

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к пониманию сущности «золотого правила нравственности» как одного из важнейших механизмов социальной регуляции. Обосновывается понимание парадоксальности его существования.

Abstract. Different approaches to understanding the essence of "the golden rule of morality" as one of the most important mechanisms of social regulation are considered. The understanding of the paradoxical nature of its existence is explained.

Ключевые слова: социальная регуляция, интерес, нравственность, нравственная норма, свобода морального выбора, справедливость.

Keywords: social regulation, interest, morality, moral norm, freedom of moral choice, justice.

Золотое правило нравственности выступает важным механизмом, обеспечивающим социальную регуляцию взаимоотношений индивидов в обществе. Основным психологическим механизмом, побуждающим индивида к действию, выступает интерес. Интересы

отдельного человека формируются на основе биологических потребностей, которые под воздействием социокультурной среды трансформируются в соответствующие культурные формы. На основе доминирующих интересов формируются ценностные предпочтения. Структура интереса индивида включает перцептивно-чувственный или абстрактно-символический образ и эмоцию, соответствующую значимости оцениваемого объекта или явления в жизни человека и общества. Эмоционально окрашенные образы, стимулируя определенный интерес, побуждают индивида к активности. Существуют интересы индивидуальные и общественные.

Чтобы понять парадоксальность существования «золотого правила нравственности», следует обратить внимание на то, что его суть заключается в соблюдении и защите общественного интереса [2, с. 49]. При этом личные интересы могут оставаться неудовлетворенными. Специфической чертой нравственности является бескорыстие и самопожертвование. В противоположность политическим и правовым формам разрешения социальных конфликтов, нравственно воспитанный человек, следуя золотому правилу нравственности, в конфликте стремиться удовлетворить не свои, а чужие интересы, за счет ущемления собственного интереса и добровольного отказа от притязаний на объект конфликта. Иначе говоря, нравственная форма разрешения социального конфликта осуществляется путем добровольного самопожертвования в пользу более нуждающегося участника конфликта или общества. Парадокс нравственной нормы состоит в том, что ее требование противоречит личному интересу, например: «Помоги более слабому» или «Отдай жизнь за Родину». Еще Сократ отмечал, что если граждане поймут, что благо полиса выше их личного блага, то полис будет цел, и граждане будут счастливы. Тем самым обнаруживается и ценностно-ориентационная функция нравственности, ее способность императивно устанавливать приоритет социальных интересов.

Зачастую способность индивида к самопожертвованию объясняют силой обычая. Однако при всей внешней схожести между обычаем и нравственной нормой имеются значительные различия. Самое существенное отличие состоит в том, что обычай ориентирует на безусловное подчинение, автоматическое выполнение норм традиции и не допускает возможности самостоятельного выбора способа действия: «Обычай – деспот меж людей» (А.С. Пушкин). Тогда как нравственное самопожертвование предполагает в качестве своего существеннейшего условия возможность свободного, альтернативного и самостоятельного выбора количества и формы

(способа) самопожертвования. Без такой свободы морального выбора нравственное самопожертвование становится совершенно невозможным. Кроме того, нравственно воспитанный индивид должен быть способен отказаться выполнять предписания обычая, если сочтет их аморальными. Помимо расхожих ссылок на принудительную силу обычая и общественного мнения в теоретической этике существуют и иные способы обоснования нравственности, а именно – религиозный, натуралистический, рационалистический и сенсуалистический.

Религиозный подход при поиске ответа на вопрос о сущности нравственности направляет к Богу и его списку заповедей (предписаний). Согласно этой концепции Бог является абсолютным источником всего, что существует, а потому и абсолютным моральным авторитетом и не подлежит критике. Не случайно главным нравственным грехом (пороком) в религии считается гордыня и самомнение человека. Указание на божественную природу морали по существу снимает вопрос о специфике и механизмах моральной регуляции поведения людей – «так Богу угодно».

Биологический подход в объяснении нравственности утверждает, что нормы морали выработаны у человека в ходе эволюции природой, закреплены в генах и передаются по наследству от поколения к поколению. Такой подход по существу снимает всякую нравственную ответственность с индивида, а также не в состоянии объяснить причины проявления аморализма и нарушения нравственных норм.

Рационалистический подход доминирует в истории этики и объясняет нормы морали способностью людей устанавливать правила рационального поведения и предвидеть негативные последствия своих поступков. Главным понятием рационалистического подхода в этике является выдвинутое еще Демокритом понятие благоразумия, то есть возможности индивида рационально выбирать и ограничивать свои желания, а также осознанно подходить к выбору средств и способов их осуществления. Однако при всей своей привлекательности рационалистическая теория неспособна объяснить, почему, зная абстрактные нормы морали, люди часто не только не соблюдают их, но и используют это знание нравственных норм, а также знание о нравственных поступках других людей ради собственной выгоды, в свою пользу. Все знают разницу между публично вежливым и собственно нравственным поведением, между лицемерием этикета и подлинным тактом в общении с другими людьми.

Здесь важно подчеркнуть, что знать, что такое добро, даже хотеть делать добро еще не означает, что человек умеет быть добрым и делает добро в действительности. В этом и состоит принципиальнейший

порок всей существующей системы воспитания – знание о том, что такое добро или справедливость само по себе не делает человека добрым. Нужно еще не только хотеть быть добрым, но и уметь делать добро и быть справедливым. Нужный личный труд, нужна личная ответственность, нужны еще и огромные психологические усилия, чтобы совершить акт самопожертвования. Идея справедливости осуществляется только справедливыми средствами. Никакая, даже самая благородная идея не может быть достигнута несправедливым, неблагородным и незаконным путем.

С другой стороны, люди часто совершают непредсказуемые, безрассудные, но, вместе с тем, благородные поступки. И вообще, откуда люди знают о конкретных формах и приемлемых границах самопожертвования, то есть о конкретной нравственной норме и конкретных границах справедливости, касающейся только этих индивидов, если соотношение их интересов невозможно заранее предугадать, так как конфликт возникает случайно? Ведь не существует учебника о нравственных нормах на все случаи жизни! Почему люди жертвуют и откуда они знают, сколько, в какой форме и как нужно жертвовать в каждом конкретном случае? На эти парадоксальные вопросы рационалистические подходы в этике не дают однозначного ответа или вообще замалчивают их.

Сенсуалистическая идея о том, что в основе нравственности лежат нравственные чувства, впервые была высказана Аристотелем, а затем, вновь переоткрыта шотландской школой философии, наиболее известными представителями которой являются А. Шефстбери, Ф. Хатчессон, Д. Юм, А. Смит. Главную загадку нравственности – загадку самопожертвования – сенсуалистический подход решает с позиций теории нравственного чувства, репрезентирующего «общественный (чужой) интерес» в психике отдельного индивида и «защищающего» его. Благодаря предоставляемой нравственным чувством возможности переживать чужой интерес как свой собственный, индивид обретает способность «жить по-человечески», сопоставлять свои и чужие интересы, устанавливать справедливые границы (нравственные нормы) их удовлетворения, сопереживать чужому горю и счастью, жертвовать своими интересами в пользу более нуждающихся. Нравственное чувство не только определяет (узнает) сколько и как нужно жертвовать, но и императивно принуждает индивида совершить акт самопожертвования – он жертвует потому, что хочет это сделать. Этим и объясняется парадоксальность «золотого правила нравственности», которое гласит: «По отношению к другим людям поступай всегда так, как ты хотел бы,

чтобы они поступали по отношению к тебе», то есть частный интерес отдельного человека должен совпадать с общечеловеческими интересами.

Осмысление общественной природы нравственных чувств объясняет специфику моральной регуляции, которая не может быть сведена только к рациональному долженствованию. Опираясь на гуманистические принципы этики, следует учитывать, что моральная регуляция предполагает установление справедливого равенства интересов. Нравственные чувства, представляя в психике индивида интересы других людей, дают возможность сравнить их со своими интересами, желаниями и попытаться объективно установить степень нуждаемости разных людей. Таким образом происходит моральная регуляция, суть которой и состоит в сопоставлении индивидуального (эгоистического) ощущения добра и зла и нравственных чувств добра и зла с последующим, по мнению А.П. Воеводина, «выравниванием» интересов путем самопожертвования «сильного» в пользу «слабого», более нуждающегося [2]. Это происходит не по велению долга, не потому что человек осознанно, во что бы то ни стало, стремится совершить добрый поступок. Чаще всего он выполняет нравственную норму по велению внутреннего голоса, и это доставляет ему удовольствие. В этом и состоит парадокс существования нравственных чувств, что человек доставляя радость другому, иногда в ущерб личным интересам, получает от этого огромное моральное удовлетворение. Это становится возможным потому, что нравственные чувства являются одновременно и средством нравственного познания, и средством побуждения к действию. Справедливость как нравственная норма представляет собой меру, в рамках которой индивид может добровольно и безвозмездно поступиться личным интересом. Именно поэтому человек справедливый стремится разделить добро и зло, благо и вред таким образом, чтобы люди оказались в равном, но не в одинаковом положении.

При выполнении нравственной нормы главным условием выступает свобода морального выбора, без которой становится невозможным самопожертвование, а выполнение нормы превращается в обязанность.

Таким образом, парадоксальность существования золотого правила нравственности, заключается в том, что индивиду приходится жертвовать своими личными интересами ради удовлетворения чужих интересов, но делает он это исключительно на основе свободы морального выбора, а потому получает удовлетворение от своего самопожертвования.

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 72 – 80.
2. Воеводин А.П. Парадоксы морального добра и специфика моральной регуляции // Философия и социальные науки. – 2011. – № 3/4. – С. 46–53.
3. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – М.: МГУ, 1974. – 157с.
4. Столович Л.Н. «Золотое правило» нравственности как общечеловеческая ценность [Электронный ресурс] / Л.Н. Столович // Русский Журнал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/2/st14.html>. – Загол. с экрана (дата обращения 17.01.2017 г.).

РАЗДЕЛ 4.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

4.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Джикия Михаил Давидович

*ассистент кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград*

Рекутин Владислав Александрович

*студент, Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград*

THE REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN ADMINISTRATIVE LAW

Mikhail Dzhickiya

*assistant of the department constitutional and municipal law
Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Vladislav Rekutin

*student, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы административно-правового регулирования миграционных процессов

в России. Автор анализирует вопросы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних иностранных граждан, применения административного выдворения за пределы территории РФ, а также рассмотрения ходатайства о снятии ограничения на въезд в РФ.

Abstract. This article discusses the problems of the regulation of migration processes in Russian administrative law. The author analyzes the question of bringing to administrative responsibility of foreign minors, the use administrative deportation from the Russian Federation, as well as the examination of the application of withdrawal of restrictions on the entry to the Russian Federation.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, административное право, депортация, ограничение на въезд.

Keywords: migration, migration processes, administrative law, deportation, entry restriction.

В настоящее время миграционная политика постепенно становится одной из самых актуальных проблем не только России, но и других развитых государств, благодаря росту миграционных процессов в мире. Это связано не только с естественной миграцией рабочей силы (трудовой миграцией), но и с рядом военных конфликтов (Украина, Ближний Восток). В этой связи первостепенное значение приобретает административно-правовое регулирование процессов миграции.

Из анализа текста Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года [2] можно сделать вывод о том, что наибольшую важность для нашего государства по сравнению с внутренней миграцией представляет миграция международная: из семи основных направлений миграционной политики международной миграции посвящены шесть. К ним относятся: 1) создание условий и стимулов для переселения иностранных граждан в РФ; 2) привлечение востребованной иностранной рабочей силы; 3) содействие образовательной миграции; 4) содействие вынужденным мигрантам; 5) адаптация и интеграция мигрантов; 6) противодействие незаконной миграции.

С правовой точки зрения международные мигранты подразделяются на две категории: иностранные граждане и лица без гражданства (апатриды). Для данных категорий установлен национальный режим с некоторыми элементами специального режима (т.е. объем прав и обязанностей иностранцев и апатридов не

отличается от граждан РФ за некоторыми исключениями, как правило, в политической сфере) [4]. В зависимости от причины их пребывания на территории РФ они могут также получать удостоверения беженцев или вынужденных переселенцев, что дает некоторые дополнительные права и льготы.

В исследовательской литературе выделяются следующие административно-правовые механизмы, которые можно назвать элементами административно-правового регулирования положения иностранцев и апатридов: 1) порядок въезда на территорию РФ; 2) порядок пребывания и проживания в РФ; 3) миграционный учет; 4) порядок реализации отдельных прав и свобод на территории РФ; 5) система мер административного воздействия, применяемых в случае нарушения правил пребывания в РФ [3, с. 49-52]. Вместе с тем, широкий круг нормативных актов (как законов, так и подзаконных документов), регулирующих данные механизмы, оставляет простор для пробелов и разночтений.

Так, в рамках применения мер административного воздействия в случае нарушения правил пребывания в РФ существует проблема с привлечением к административной ответственности несовершеннолетних иностранных граждан. В силу ч. 3 ст. 1.3, ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ [1] дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, подведомственны комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав. Согласно ч. 3 ст. 1.3, ч. 1 ст. 23.2, ч. 3 ст. 29.5, ч. ч. 1, 5 ст. 25.3 КоАП РФ [1] такие дела подлежат рассмотрению вышеуказанной комиссией по месту жительства несовершеннолетнего с участием его законных представителей. Однако если несовершеннолетний находится на территории РФ без сопровождения законных представителей, а местом его жительства на момент совершения правонарушения является населенный пункт, расположенный за пределами РФ, ни одно из предусмотренных КоАП РФ условий не может быть соблюдено. Также невозможно применить ст. 29.1.6 КоАП РФ (направление материалов об административном правонарушении в Генпрокуратуру РФ для решения вопроса о передаче в уполномоченный орган иностранного государства)[1], поскольку обязательным условием для ее применения является нахождение правонарушителя за пределами территории РФ.

Для законного разрешения такой ситуации необходимо внести изменения в КоАП РФ [1], предусмотрев возможность производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних иностранных граждан в отсутствие законных представителей (если участие последних невозможно). Также следует

закрепить возможность рассмотрения таких дел комиссией по делам несовершеннолетних по месту совершения административного правонарушения.

КоАП РФ предусматривает административное выдворение за пределы РФ в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания (статьи 3.3 и 3.10 КоАП РФ [1]). На практике возникает вопрос: всегда ли суды должны строго следовать санкциям статей КоАП РФ [1], предусматривающим данное наказание для иностранных граждан? Обзор судебной практики позволяет сделать вывод о том, что назначение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства. При этом если у иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ имеются родственники, что подтверждается представленными в суд материалами и объяснениями участвующих в деле лиц, судья при назначении наказания должен указать на данное обстоятельство и ограничиться наказанием в виде штрафа [6].

В качестве одного из способов противодействия незаконной миграции применяется ограничение на въезд на территорию РФ. Данный способ является эффективной мерой реагирования на несоблюдение правил въезда на территорию РФ либо нарушения законодательства РФ в период предыдущего пребывания на территории РФ. Однако иностранный гражданин обладает правом подать ходатайство о снятии данного ограничения. Закон не регламентирует обстоятельства, которые в данном случае можно привести в качестве обоснования. Представляется, что должностное лицо при принятии решения по такому ходатайству должно учесть обстоятельства совершения правонарушения (например, нарушение срока пребывания на территории РФ по причине болезни), а также уровень связей иностранного гражданина с Россией (рождение на территории СССР или РФ, наличие родственников в РФ и т.д.). Данные обстоятельства следует закрепить в Приказе ФМС России от 02.06.2015 № 284, регулирующем указанные вопросы [5].

Учитывая изложенное, можно констатировать, что административно-правовое регулирование миграционных процессов в России все еще находится в стадии становления. Некоторые вопросы (например, привлечение к административной ответственности

несовершеннолетних иностранных граждан) не имеет корректного решения ввиду противоречий в законе, другие (например, применение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ) регулируются судебной практикой, а отдельные вопросы (обстоятельства, подлежащие учету при рассмотрении ходатайства о снятии ограничения на въезд в РФ) и вовсе не нашли своего отражения в правовой реальности.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). - ст. 1.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 21.12.2016).
3. Купреев С.С. О содержании административно-правового статуса иностранцев в Российской Федерации // Административное право и процесс. - 2014. - № 8. - С. 49-52.
4. Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2004 по делу № 50Г04-19 // СПС «Консультант Плюс».
5. Приказ ФМС России от 02.06.2015 № 284 «Об утверждении порядка рассмотрения материалов, содержащих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия (отмены) решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, а также форм решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, решения об отмене решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, уведомления иностранного гражданина или лица без гражданства о принятом в отношении него решении о неразрешении въезда» [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420282341> (дата обращения: 21.12.2016).
6. Справка о результатах обобщения судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, ч. 1.1 ст. 18.8, рассмотренных судьями районных судов Волгоградской области во II полугодии 2014 года (подготовлена Волгоградским областным судом 26.06.2015) // СПС «Консультант Плюс».

**4.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ
ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ
ДОГОВОРА АРЕНДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Астапова Татьяна Юрьевна

*доц., канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданско-правовых
дисциплин, Международный институт экономики и права,
РФ, г. Москва*

Липницкий Денис Аркадьевич

*магистрант, Международный институт экономики и права,
РФ, г. Москва*

**CONDITIONS AND FEATURES OF LEASE TERMINATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Tatiana Astapova

*Associate professor of the department of civil legal disciplines
of the International Institute of Economics and Law,
a candidate jurid. sciences, associate professor.
Russia, Moscow*

Denis Lipnitsky

*Magistracy student of the International Institute of Economics and Law,
Russia, Moscow*

Аннотация: В статье рассматриваются основные условия расторжения договора аренды, предусмотренные законодательством РФ; анализируется подход законодательства к определению различных условий расторжения договора аренды в настоящее время.

Рассматриваются индивидуальные особенности различных условий расторжения договора аренды.

Abstract: The article deals with the basic conditions of termination of the rent, provided by the legislation of the Russian Federation; analyzed legislation approach to defining the various conditions of termination of the rent at the present time. We consider the individual characteristics of the various conditions of termination of the rent.

Ключевые слова: договор аренды, условия расторжения, досрочное расторжение, арендатор, арендодатель, соглашение сторон, судебный порядок, односторонний порядок.

Keywords: rental contract termination conditions, the early termination, the tenant, the landlord, the agreement of the parties, a court order, a unilateral order.

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] [5] в качестве общего правила определяет, что основой для изменения и расторжения договора обозначается соглашение сторон, если другого не устанавливает сам ГК РФ, другие законы или договор (п.1 ст.450 ГК [4]). Основания и порядок изменения и расторжения договора аренды урегулированы нормами гл. 29, ст. ст. 619, 620 ГК РФ[5].

Договор также может быть, за исключением указанного п. 1 ст. 450 ГК РФ, изменен или расторгнут:

- по требованию одной из сторон в судебном порядке на основании п. 2 ст. 450, ст. 451 ГК РФ;
- в одностороннем внесудебном порядке (п. п. 1, 2 ст. 310 ГК РФ) [4].

Нужно отличать одностороннее расторжение договора по требованию одной из сторон от одностороннего отказа от исполнения обязательств.

В п. 2 ст. 450 ГК РФ указано несколько фактов, при которых возможно изменение или расторжение договора по требованию одной из сторон по решению суда:

- когда нарушены условия другой стороной договора и эти деяния могут быть оценены как существенное нарушение, то есть нарушение, влекущее для контрагента такой ущерб, при котором он в большой степени лишается того, на что был вправе полагаться при подписании договора;
- в прочих случаях, которые предусмотрены ГК РФ, другими законами или договором[4].

В соответствии со ст. 619 ГК РФ договор можно досрочно расторгнуть в судебном порядке по требованию арендодателя, если арендатор:

1. использует имущество существенно нарушая условия договора или назначение имущества либо с большим количеством нарушений;
2. сильно ухудшает имущество;
3. больше 2-х раз подряд после срока, установленного договором платежа, не оплачивает аренду;
4. не делает капитальный ремонт имущества в указанные сроки, а при их отсутствии в разумные сроки, если выполнение такого ремонта — это обязанность арендатора[5].

Надо отметить, что объяснение положений ГК РФ о существенном нарушении обязательства требует более детального исследования правоприменительной практики, создающиеся в отдельных частях деятельности с участием разных субъектов и учитывая реальные фактические обстоятельства исполнения договорных обязательств. С недавних пор из общего договорного права выделяются нормы, которые регулируют договорные отношения между потребителями и коммерческими организациями. Законодателю необходимо признать, что общее договорное право не дает простому человеку нужных средств защиты от больших организаций. Следовательно, нужно предоставить потребителям дополнительные правовые и процессуальные гарантии охраны их интересов в отношениях с большими юридическими фирмами, включая возложение на юридические организации дополнительных обязанностей.

Употребительно к важному нарушению предлагается оценить соотношение ущерба относительно ожидаемого результата. «По этой причине вполне возможно удовлетворение требования о расторжении договора при нарушении, незначительном по размеру ущерба, и равно отказ в удовлетворении такого же требования, несмотря на то, что ущерб оказался весьма значительным. Решение суда зависит лишь от того, является ли действительно существенной разница между тем, на что вправе была рассчитывать сторона, заключая договор, и тем, что в действительности она смогла получить» [3].

Стороны могут предусмотреть в договоре или соглашении следующие условия:

- о праве требовать возврата, исполненного при расторжении;
- о моменте исправления или расторжения договора.

В соответствии с общим правилом стороны не имеют права требовать возвращения того, что было исполнено ими по договору до момента его изменения или расторжения. Однако, если одна из сторон приняла исполнение, но свое обязательство не исполнила или предоставила неравноценное исполнение, другая сторона может требовать возврата, исполненного в качестве неосновательного обогащения (п. 4 ст. 453 ГК РФ) [4]. Исключения составляют случаи, когда другое предусмотрено законом или договором либо следует из существенных обязательств [9].

Из-за специфики арендных правоотношений только арендодатель в праве вернуть исполненное, а именно вернуть полученный аванс. Исполнение, которое получает арендатор (предоставление имущества во временное владение и (или) пользование), фактически вернуть нельзя. Возврат арендованного имущества не является возвратом исполнения и регулируется самостоятельными нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 622 ГК РФ) [5].

Касательно более детального анализа правоприменительной практики, возникающей в отдельных сферах деятельности, следует изучить ситуацию, в которой расторгая договор на основании ст. 619 ГК РФ [5] в случаях, указанных в п. 9 ст. 22 Земельного Кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ), арендодатель должен доказать, что арендатор существенно нарушил договор [6].

Исходя из положений Постановления Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 N 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» [4] (далее - Постановление ВАС) можно определить, что, применяя п. 9 ст. 22 ЗК РФ [6], арбитражные суды, допускают досрочное расторжение договора аренды земельного участка, заключенного на срок более пяти лет, по требованию арендодателя только если существует решение суда и при существенном нарушении условий договора арендатором. При этом Постановление ВАС предлагает руководствоваться следующим: «В отличие от общих оснований и порядка прекращения договора аренды, предусмотренных ст. 46 ЗК РФ и ст. 450 и 619 ГК РФ, п. 9 ст. 22 ЗК РФ устанавливает специальные основания и порядок досрочного прекращения договора аренды земельного участка: арендодатель должен представить суду соответствующие доказательства, подтверждающие существенное нарушение договора аренды земельного участка со стороны арендатора. Обстоятельства, указанные в ст. 619 ГК РФ, могут служить основанием для досрочного расторжения договора аренды земельного участка лишь в том случае,

когда они могут быть квалифицированы как существенные нарушения договора аренды земельного участка» [10].

Еще одним примером из практики рассмотрения вопросов расторжения договора аренды, ввиду нарушения существенных условий последнего, может служить Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.08.2006 по делу N А56-48357/2005(далее - Постановление ФАС) [8]. Данное Постановление ФАС указывает: «... В соответствии с материалами дела следует, что в этом конкретном случае основой для предъявления требования о досрочном расторжении договора послужило то обстоятельство, что во 2-ом и 3-ем кварталах 2005 года арендатор внес арендную плату не в полном объеме. Это нарушение оценивается с относительности его существенности; для оценки степени существенности нарушения могут иметь значение длительность периода просрочки, размер недоплаты и причины недоплаты ...» [8]. Из вышеописанного в Постановлении ФАС следует, что длительность периода просрочки, размер и причина внесения арендной платы не в полностью являются факторами, которые имеют влияние на степень существенности нарушения условий договора аренды.

В силу диспозитивности п. 3 ст. 453 ГК РФ в договоре или соглашении о его расторжении стороны могут установить, что договор считается измененным или расторгнутым, не начиная с времени заключения соответствующего соглашения, а, допустим, с указанной в нем даты. Если время изменения и прекращения договора не согласовано, обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения об изменении или расторжении договора, если иное не следует из соглашения или характера изменения договора (п. 3 ст. 453 ГК РФ) [4].

Из положений п. 3 ст. 615 ГК РФ следует, что арендодатель имеет право обратиться в суд с иском о расторжении договора в том случае, если арендатор использует имущество не по назначению или с нарушением условий договора [5].

Надо учитывать, что арендодатель имеет право обратиться в суд с данным иском только после того, как арендатору будет направлено письмо с предупреждением о необходимости исполнить обязательство в разумный срок (ч. 3 ст. 619 ГК РФ) [5].

Если арендатор не вносил арендную плату более 2-х раз подряд, арендодатель даже, если долг оплачен арендатором имеет право обратиться в суд с иском о расторжении договора в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 619 ГК РФ. Но сделать это он обязан в разумный срок, иначе

право на расторжение договора в связи с допущенным арендатором нарушением будет утрачено [5].

Из закона (ст.ст. 606-624; 650-655 ГК РФ) следует, что договор аренды не расторгается во внесудебном одностороннем порядке. И только, когда соблюден процесс досудебного урегулирования спора между участниками договора, пострадавшая сторона имеет право обратиться в суд [5].

Анализируя ситуацию, когда договор аренды расторгнут досрочно по требованию арендодателя видно, из положений ст. 452 ГК РФ [4], что предусмотрен общий порядок расторжения договора, в соответствии с которым, требование о расторжении договора может быть заявлено стороной в суд только после отказа другой стороны на предложение расторгнуть договор либо неполучения ответа в срок, указанный в предложении или установленный законом либо договором, а при его отсутствии – в 30 дневный срок.

Учитывая нормы ст. 619 ГК РФ, арендодатель имеет право на требование досрочного расторжения договора только после направления арендатору письменного предупреждения (уведомления) о необходимости исполнения им обязательства в разумный срок [5].

Т. е., законодатель разделяет предложение о расторжении договора и о предупреждении о необходимости устранить допущенные арендатором нарушения.

Если договор расторгнут по инициативе арендодателя, то, для соблюдения досудебного порядка урегулирования спора арендодателю нужно направить арендатору предупреждение о необходимости исполнения своих обязательств по договору и предложение о расторжении договора, как следствие невыполнения предупреждения. Также стоит отметить, что в одном письме могут быть заявлены предупреждение о надлежащем исполнении обязательств по договору и предложение о расторжении договора.

Говоря о порядке досрочного расторжения договора по предложению арендатора стоит отметить, что ГК РФ не имеет специального правила, которое обязывало бы его заранее предупредить арендодателя о надобности исполнения им обязательств, до подачи арендатором иска о расторжении договора аренды в суд. Это не значит, что арендатор незамедлительно обратится в суд с иском о расторжении договора аренды, ибо в силу общей нормы (ст. 452 ГК РФ) сторона может обратиться в суд с иском о расторжении договора только после отправки своему контрагенту предложение расторгнуть договор [4].

Делая вывод из вышеописанных обстоятельств, для того чтобы досудебный порядок урегулирования спора о расторжении договора по требованию арендодателя можно было считать соблюденным, надо предоставить суду доказательства:

1) о направлении арендатору письменного уведомления о необходимости исполнения им обязательств по договору аренды в разумный срок;

2) направления арендатору предложения о расторжении договора, как следствие невыполнения уведомления;

3) получения от другой стороны отказа на предложение расторгнуть договор или неполучения ответа в тридцатидневный срок, если в предложении не установлен иной срок расторжения договора [1].

Если другое не предусмотрено договором аренды, за досрочным прекращением договором аренды следует прекращение заключенного в соответствии с ним договора субаренды.

Когда прекращает действие договор аренды объект должен быть возвращен арендодателю по акту приема-передачи. Порядок оформления этого документа такой же, как оформление передаточного акта, подписываемого в начале срока действия договора при передаче имущества арендатору. В акте необходимо отразить, такие параметры, как: состояние собственности, возврат имущества в определенный момент времени, место возврата движимого имущества. Арендатор обязан вернуть арендодателю имущество при прекращении договора. При этом имущество необходимо вернуть в том состоянии, в котором оно было получено арендатором, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором (к примеру, после реконструкции, если по договору у арендатора была такая обязанность).

От основания, по которому договор аренды был расторгнут зависят и последствия расторжения этого договора для обеих сторон. В соответствии с общим правилом, сторона, которая не исполнила или ненадлежащим образом исполнила условия договора, должна возместить другой стороне вызванные этим убытки. Обычно, преимуществом при получении каких-либо штрафов пользуется арендодатель. Это штрафы и пени за не вовремя оплаченную арендную плату; за передачу (без согласования с арендодателем) прав на аренду третьим лицам; за нарушение строительных норм и правил при перепланировке или реконструкции арендованного помещения; за не вовремя переданное арендованное помещение после прекращения договора аренды [2].

Как показывает практика арендодатель довольно часто предусматривает в условиях договора предварительный взнос –

обеспечительный платеж в размере 1-2 месячной арендной платы. Арендатор производит его оплату при заключении договора и депозит ему не возвращается в случае досрочного расторжения договора по инициативе арендатора.

Подводя итог, можно прийти к заключению, что расторжение договора аренды по инициативе обеих сторон возможно не только по основаниям, предусмотренным ГК РФ, но и по основаниям, которые установлены соглашением сторон. Что касается одностороннего расторжения договора аренды, то как было указано выше, он возможен при соблюдении процедуры предупреждения одной из сторон договора о данном намерении, при этом, учитывая сроки получения или не получения ответа на уведомление. Для более детального рассмотрения особенностей расторжения договора аренды с государственными или муниципальными организациями, а также договора аренды земельного участка на продолжительный срок, необходимо обращать внимание на регулирующее данный вид правоотношений законодательство.

Список литературы:

1. Абесалашвили М.З. Порядок изменения и расторжения договора аренды зданий и сооружений [Электронный ресурс] // Бизнес в законе. - 2012. - №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-izmeneniya-i-rastorzheniya-dogovora-arendy-zdaniy-i-sooruzheniy> (дата обращения: 15.01.2017 г.)
2. Бокоев С.Р. Досрочное расторжение договора аренды по требованию сторон. [Электронный ресурс] // Интернет журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurnal.org/articles/2013/uri40.html> (дата обращения: 10.01.2017 г.)
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Т.2. М.: Статут. 2000. - С. 351.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
6. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 44. – Ст. 4147.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 N 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» (в действующей ред.) // Вестник ВАС РФ. - 2005. - № 5.

8. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.08.2006 по делу N А56-48357/2005 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.resheeniya-sudov.ru/2005-2006/38482/> (дата обращения: 15.01.2017 г.)
9. Путеводитель по договорной работе. Аренда. Общие положения. Рекомендации по заключению договора. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс. Интернет версия» (дата обращения: 14.01.2017 г.)
10. Путеводитель по судебной практике. Аренда. Общие положения. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс. Интернет версия» (дата обращения: 14.01.2017 г.)

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОСЛЕ АВИАКАТАСТРОФ

Бюер Анна Александровна

*канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
РФ, г. Санкт-Петербурге*

Алешин Никита Валерьевич

*магистрант юридического факультета, Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического приборостроения,
РФ, г. Санкт-Петербурге*

FEATURES COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AFTER THE PLANE CRASH

Anna Bauer

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Russia, Saint Petersburg*

Nikita Aleshin

*master student 2 Faculty of Law ,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Russia, Saint Petersburg*

Аннотация: автор рассматривает особенности компенсации морального вреда после авиакатастроф. Особое внимание автор уделяет проблеме ратификации Российской Федерацией Монреальской конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999 г. и ее влиянию на компенсацию морального вреда после авиакатастроф.

Abstract: the author deals with peculiarities of compensation for moral damage after crashes. Particularly, the author concerns the problem of ratification of Montreal Convention of 1999 for unification Rules for International Carriage by Air by the Russian Federation and its influence on compensation for moral damage after crashes.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, воздушные перевозки, причинение вреда, моральный вред, компенсация морального вреда, гражданская ответственность.

Keywords: a source of higher danger, carriage by air, damage, moral damage, compensation for moral damage, civil responsibility.

Широкое распространение воздушных перевозок обуславливает необходимость правовой регламентации режима таких перевозок, а также, как отмечает И.В. Смагина, возможных последствий воздушных перевозок, в том числе гражданско-правовой ответственности перевозчика перед пассажирами [8, с. 5]. При этом воздушные перевозки, согласно статистике, являются самым опасным видом транспорта и потому сопряжены с повышенным риском для жизни и здоровья пассажиров, что актуализирует вопросы возмещение вреда пострадавшим лицам, в частности вопросы компенсации морального вреда после авиакатастроф.

Гражданское законодательство Российской Федерации в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) включает компенсацию морального вреда в число способов защиты гражданских прав. Данный способ защиты гражданских прав, в соответствии с абз. 1 ст. 151 ГК РФ, предполагает, что «... если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда» [3]. Вполне очевидно, что законодатель, формулируя моральный вред

достаточно абстрактно, определяет его как физические или нравственные страдания.

В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации, толкуя абз. 1 ст. 151 ГК РФ, определяет моральный вред как «... нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» [7].

Так или иначе, компенсация морального вреда осуществляется по правилам, установленным законодателем в ст.ст. 1099-1101 ГК РФ и предусматривающим, что в случае причинения вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда, размер компенсации морального вреда определяется судом и т.д. [4]. Тем не менее, компенсация морального вреда после авиакатастроф обладает рядом особенностей. Прежде всего, речь идет о том, что компенсация морального вреда в данном случае регламентируется как в рамках гражданского права, так и в рамках воздушного права, причем и национального, и международного.

Национальное воздушное право Российской Федерации представлено Воздушным кодексом Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (далее – ВК РФ), который в ч. 1 ст. 116 устанавливает, что «...перевозчик несет ответственность перед пассажиром воздушного судна <...> в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, а также договором воздушной перевозки пассажира» [2]. Особым образом указанный нормативно-правовой акт регламентирует ответственность перевозчика за причинение вреда жизни или здоровью пассажира воздушного судна, устанавливая предельные размеры компенсаций, а также круг лиц, которые могут рассчитывать на такие компенсации. При этом при причинении пассажиру телесных повреждений вопрос о компенсации морального вреда встает сам собой, поскольку жизнь и здоровье являются прямо указанными в ст. 150 ГК РФ нематериальными благами[3]. Рассчитывать на компенсацию морального вреда могут и родственники погибших в результате авиакатастрофы пассажиров.

Так, родственникам погибших 31 октября 2015 г. в результате авиакатастрофы над Синаем 217 пассажиров было выплачено более 400 млн. рублей, при этом в мировые соглашения, являющиеся основой указанных выплат, включались также «...компенсации морального вреда, возмещение затрат на погребение, утраченного багажа и личных вещей, в некоторых случаях – расходов на санаторно-курортное лечение, международную мобильную связь, а также компенсации в связи со смертью кормильца» [10].

Таким образом, национальное воздушное право Российской Федерации, представленное ВК РФ, конкретизирует положения гражданского законодательства относительно возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, применительно к авиапроисшествиям, к которым относятся и авиакатастрофы, устанавливая условия и пределы возмещения такого вреда. Компенсация морального вреда как таковая не упоминается законодателем в ВК РФ, однако его положения учитываются правоприменителем при решении вопросов о компенсации морального вреда, причиненного авиакатастрофой (круг лиц и т.д.).

В свою очередь, международное воздушное право в части правовой регламентации вопросов компенсации морального вреда представлено Варшавской конвенцией для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок от 12.10.1929 (далее – Варшавская конвенция), и Монреальской конвенцией для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999 (далее – Монреальская конвенция).

Варшавская конвенция, участницей которой является Российская Федерация, как и ВК РФ, не содержит положений, касающихся компенсации морального вреда. В соответствии со ст. 17 Варшавской конвенции, «...перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае смерти, ранения или всякого другого телесного повреждения, понесенного пассажиром, если несчастный случай, причинивший вред, произошел на борту воздушного судна или во время всяких операций при посадке и высадке» [1]. При этом стоит также заметить, что Варшавская конвенция устанавливает пределы ответственности перевозчика, как и ВК РФ, ограничивая их определенными денежными суммами.

В свою очередь, Монреальская конвенция, участницей которой Российская Федерация не является, в ч. 1 ст. 17 содержит норму, аналогичную норме ст. 17 Варшавской конвенции, устанавливая, что перевозчик отвечает за вред, происшедший в случае смерти или

телесного повреждения пассажира, что подтверждается и ст. 29, согласно которой любые другие выплаты, не относящиеся к компенсации фактического вреда, не подлежат взысканию [6]. Тем не менее, Монреальская конвенция предусматривает двухуровневую ответственность перевозчика. Первый уровень ответственности – за вред, причиненный здоровью пассажира, не превышающий 5 млн. рублей, второй – в части, превышающей указанную сумму. Иными словами, Монреальская конвенция не предусматривает ограничения ответственности перевозчика.

Относительно возможности компенсации морального вреда на основании Варшавской и Монреальской конвенций следует заметить, что в 1971 г. была предпринята попытка расширить объем ответственности перевозчика, установленный Варшавской конвенцией, добавив к телесным повреждениям психоэмоциональные травмы, однако абсолютное большинство участников конвенции высказалось против такой конструкции. Несмотря на это, нельзя сказать, что Варшавская и Монреальские конвенции не предусматривают возмещения морального вреда или связывают его исключительно с причинением пассажиру смерти или телесных повреждений, поскольку используемый в ней термин «телесное повреждение» принято понимать и как «...психические повреждения, связанные с наличием телесных, и психические повреждения при отсутствии телесных, однако оказывающие значительное отрицательное воздействие на здоровье пассажира» [9, с. 86]. Именно данное определение является ориентиром для компенсации морального вреда, причиненного авиакатастрофой. При этом, как отмечают Н.А. Духно, В.М. Корякин и М.Ю. Филиппова, «...вопрос о возмещении или об отказе в возмещении морального вреда, причиненного пассажиру во время международной авиаперевозки, решается судом на основе национальных норм и судебной практики, и если согласно применимому праву допускается возмещение морального вреда, то он возмещается в соответствии с правилами, предусмотренными Варшавской и Монреальской конвенциями» [5, с. 20].

Таким образом, компенсация морального вреда, причиненного авиакатастрофой, имеет определенные особенности, ключевой из которой является соотношение гражданского и воздушного права, а также соотношение национального и международного права. При этом положения не ратифицированной Российской Федерацией Монреальской конвенции имеют очевидное преимущество по сравнению с положениями Варшавской конвенции и ВК РФ. Положения Монреальской конвенции, как отмечает И.В. Смагина,

«...обеспечивают твердые правовые гарантии и адекватный уровень возмещения вреда», поэтому не вызывает сомнения тот факт, что ратификация указанного документа Российской Федерацией необходима [8, с. 9].

Список литературы:

1. Варшавская конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок от 12.10.1929 (с изм. от 18.09.1961). URL: <http://ozpp.ru/library/norubs/9581/index.html> (дата обращения: 24.11.2016).
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 12. - Ст. 1383.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
5. Духно Н.А. Проблемы совершенствования правового регулирования международных воздушных перевозок: монография / Н.А. Духно, В.М. Корякин, М.Ю. Филиппова. М.: Юридический институт МИИТа, - 2013. - 68 с.
6. Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999. URL: <http://www.yarpi-club.ru/reference/monreal> (дата обращения: 24.11.2016).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. - 1995. - № 29.
8. Смагина И.В. Ответственность перевозчика в договоре международной воздушной перевозки в положениях Варшавской и Монреальской конвенций и нормах Воздушного кодекса Российской Федерации // Право и современные государства. - 2014. - № 5. - С. 5-10.
9. Сотскова О.С. Государственно-правовое регулирование ответственности перевозчика по договору международной авиaperезовки пассажира и багажа // Вестник ПАГС. - 2013. - № 1. - С. 85-89.
10. 400 млн. выплачено родственникам погибших в катастрофе А321 над Синаем. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/10/31/011/> (дата обращения: 24.11.2016).

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОСЛЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Боер Анна Александровна

*канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Алешин Никита Валерьевич

*магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
РФ, г. Санкт-Петербург*

FEATURES COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AFTER THE HIGHWAY INCIDENTS

Anna Bauer

*candidate of law, associate professor,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Russia, Saint Petersburg*

Nikita Aleshin

*master student,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Russia, Saint Petersburg*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей компенсации морального вреда после дорожно-транспортных происшествий. Особое внимание уделяется проблеме определения размера компенсации морального вреда после дорожно-транспортных происшествий.

Abstract: the article concerns elucidation of compensation of moral damage peculiarity after highway incidents. The author deals with problem of determination of measure of damages after highway incidents.

Ключевые слова: источник повышенной опасности; автотранспортное средство; дорожно-транспортное происшествие;

причинение вреда; гражданская ответственность; моральный вред; компенсация морального вреда.

Keywords: source of higher danger; highway vehicle; highway incident; damage; civil responsibility; moral damage; measure of damages.

В соответствии с п. 1.2 Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения», дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) представляет собой «... возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб» [7]. По данным Госавтоинспекции, за период с января по июнь 2016 г. в ДТП погибли 8,1 тыс. человек и получили травмы различной степени тяжести 92,3 тыс. человек, что актуализирует вопросы, касающиеся возмещения вреда, причиненного вследствие ДТП, в частности, вопросы компенсации морального вреда [4].

Как справедливо замечает Д.Н. Поляков, компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав, нарушенных вследствие ДТП (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ)). Данный способ защиты конкретизируется законодателем в ст. 151 ГК РФ, согласно абз. 1 которой в том случае, «... гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда» [2]. Отсюда следует, что законодатель определяет моральный вред как физические или нравственные страдания, то есть формулирует его достаточно абстрактно.

Несколько более конкретно моральный вред определяет Верховный Суд РФ. В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», моральный вред определяется как «...нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные

неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» [7].

Исходя из определений морального вреда, содержащихся в абз. 1 ст. 151 ГК РФ и п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», к моральному вреду, причиненному в ДТП, можно отнести:

1. физические страдания от увечья, травмы, заболевания, возникшего вследствие ДТП, и т.д. и сопутствующие им факторы, при условии, что они напрямую следуют из факта ДТП;

2. нравственные страдания от потери родственников, невозможности продолжать активную общественную жизнь и т.д., при условии, что они напрямую следуют из факта ДТП [5, с. 42-43].

При этом, как отмечает А.В. Радченко, «...вред, причиненный источником повышенной опасности, имеет две особенности: низкая степень обусловленности вреда поведением (субъективным отношением) источника повышенной опасности, и повышенный размер вреда, больший, чем в других деликтах» [8, с. 13]. По общему правилу компенсация морального вреда, причиненного в результате ДТП, осуществляется на основании ст. 151, 1099-1101 ГК РФ, однако специфика вреда, причиняемого источниками повышенной опасности, обуславливает особенности компенсации морального вреда. В частности, речь идет о том, что, в соответствии со ст. 1100 ГК РФ компенсация морального вреда, причиненного в результате ДТП, осуществляется вне зависимости от вины причинителя вреда [3].

Еще одной особенностью компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, является определение размера такой компенсации. Как отмечает И.Г. Башинская, «... главный вопрос, который возникает при разрешении гражданского иска о компенсации морального вреда потерпевшему – ее размер» [1, с. 178]. В соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК РФ, размер компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, находится в зависимости от судебного усмотрения, при этом указанная норма устанавливает такие ориентиры, как требования разумности и справедливости, а также характер причиненных потерпевшему страданий, физических и нравственных. Помимо этого, должны учитываться фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, а также индивидуальные особенности потерпевшего (вина применительно к моральному вреду, причиненному в результате ДТП, как было нами

отмечено ранее, значения не имеет). Данные ориентиры, как и определение морального вреда, являются достаточно абстрактными и тем самым создают широкий простор для судебного усмотрения. Так, Никулинский районный суд г. Москвы, рассматривая дело о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, взыскал с ответчика по делу в счет компенсации морального вреда, причиненного истцу, 1 тыс. рублей, хотя в рассматриваемой ситуации истцу были причинены физические страдания, связанные с болезнью от полученных травм и вызвавшие нахождение истца в нетрудоспособном состоянии, что подтверждалось протоколом магнитно-резонансной томографии головного мозга [9]. В свою очередь, Змеиногорский городской суд Алтайского края, рассматривая дело о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, взыскал с ответчика по делу в счет компенсации морального вреда, причиненного истцу, 100 тыс. рублей, поскольку истец, находясь в преклонном возрасте, потерял единственного сына [10].

Отечественная правовая наука знает различные пути решения проблемы определения размера компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП. Так, А.В. Радченко полагает, что определить размер компенсации морального вреда в указанных случаях можно, разделив соответствующий прожиточный минимум на «...средне взятое количество календарных дней в одном месяце, равное 30 (тридцати) календарным дням; для того, чтобы получить сумму компенсации морального вреда за каждодневный пережитый день страданий. Данную сумму необходимо умножить на определенное специалистом-оценщиком в отчете по оценке, количество дней, в течение которых потерпевший будет вынужден претерпевать нравственные и физические страдания» [8, с. 24]. При этом автор отмечает, что полученная в результате использования данного метода сумма будет являться рекомендательной при установлении судами размера компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП.

По нашему мнению, метод определения размера компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, предложенный А.В. Радченко, не учитывает того факта, что определение размера такой компенсации требует, как было отмечено нами ранее, учета характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего, что, в частности, демонстрируют упомянутые нами ранее судебные решения. В связи с этим более перспективным нам

кажется решение рассматриваемой проблемы, предложенное И.Г. Башинской, полагающей, что «... проблемы компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему дорожно-транспортным преступлением, могут быть решены Верховным Судом РФ, путем обобщения существующей судебной практики и установления минимальных и максимальных пределов размера компенсации морального вреда для конкретных случаев: смерти потерпевшего, причинения вреда здоровью определенной степени тяжести и т.д.» [1, с. 178].

Таким образом, специфика источников повышенной опасности и причиняемого ими вреда обуславливает особенности компенсации морального вреда, к которым относится осуществление компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, независимо от вины причинителя вреда, а также определение размера компенсации морального вреда. Отсутствие в российском законодательстве размеров компенсации морального вреда и каких-либо конкретных требований к их определению создает широкий простор для судебной усмотрения и, соответственно, нарушения прав граждан. Решением этой проблемы может явиться обобщение существующей судебной практики и установления минимальных и максимальных пределов размера компенсации морального вреда для конкретных случаев.

Список литературы:

1. Башинская И.Г. О практике возмещения морального вреда, причиненного потерпевшим в результате дорожно-транспортных преступлений // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 6. - С. 174-178.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
4. Ломакин Д. Разбиваются реже, дороги хуже. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/12_a_9673445.shtml (дата обращения: 17.11.2016).
5. Поляков Д.Н. Определение размера компенсации морального вреда вследствие дорожно-транспортного происшествия // Вестник Омской юридической академии. - 2015. - № 2. - С. 42-44.
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (ред. от 10.09.2016) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. - 1993. - № 47. - Ст. 4531.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. - 1995. - № 29.
8. Радченко А.В. Проблемы определения размера компенсации морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. - 2015. - № 17 (17). - С. 13-27.
9. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 04.09.2016 по делу № 2-1398/12. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/35849.html> (дата обращения: 17.11.2016).
10. Решение Змеиногорского городского суда Алтайского края от 03.07.2012 по делу № 2-198/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-zmeinogorskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-475969989/> (дата обращения: 17.11.2016).

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ДОГОВОРА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОЦЕНКИ

Салихова Диляра Чулпановна

*соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
РФ, г.Казань*

TO THE TOPIC ABOUT THE FORM OF THE CONTRACT FOR THE EVALUATION

Dilyara Salikhova

*Postgraduate, Kazan (Volga) federal university,
Russia, Kazan*

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию формы договора на проведение оценки, выявлению его элементов. Автором сделан вывод о том, что договор на проведение оценки должен содержать как основные элементы письменной формы договора, так и дополнительные элементы.

Abstract: this article investigates the form of the contract for the evaluation, identifying its elements. The author concluded that the contract for the evaluation shall contain as basic elements of the written form of the contract and extra elements.

Ключевые слова: форма договора; договор на проведение оценки; оценщик; оценочная деятельность.

Keywords: agreement form; contract for an evaluation; the evaluator; evaluation activities.

Согласно п.1 ст. 9 Федерального закона от 29 июля 1998 г. №135–ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценке) договор на проведение оценки, заключенный между заказчиком и оценщиком или юридическим лицом, с которым оценщик заключил трудовой договор, является основанием для ее проведения [7].

Статья 10 Закона об оценке содержит прямое указание на то, что договор на проведение оценки заключается в простой письменной форме.

Данная статья закрепляет также обязательные требования к договору на проведение оценки, которыми являются цель оценки; описание объекта или объектов оценки, позволяющее осуществить их идентификацию; вид определяемой стоимости объекта оценки и другие[7].

Однако, до настоящего времени, элементы письменной формы договора на проведение оценки изучены недостаточно. Вопрос о том, какие условия договора являются существенными, а какие – элементами письменной формы договора, не нашел однозначного ответа, что влечет отсутствие единообразия в применении вышеуказанных норм на практике.

Согласно сложившейся судебной практики, договоры на проведение оценки признаются незаключенными, а вознаграждение оценщика подлежит возврату даже в том случае, если в договоре отсутствует указание, например, на применяемые федеральные стандарты оценки, что считаем в корне неверным. Основанием для подобной позиции судов является рассмотрение обязательных требований к договору на проведение оценки, указанных в ст. 10 Закона об оценке в качестве существенных условий договора[7].

Так, договор на проведение оценки был признан незаключенным, поскольку в нем «не содержится сведений об оценке или оценщиках, которые будут проводить оценку, в том числе фамилия, имя, отчество оценщика или оценщиков, размер денежного вознаграждения за проведение оценки, указание на стандарты оценочной деятельности, которые будут применяться при проведении оценки» [1].

Федеральный арбитражный суд Уральского округа посчитал договор на проведение оценки незаключенным, поскольку он «не

содержит указаний на применяемые стандарты оценочной деятельности, на наименование и адрес саморегулируемой организации оценщиков, членом которой является оценщик; сведений об обязательном страховании гражданской ответственности оценщика» [5].

Такого же мнения придерживаются и иные суды, о чем свидетельствует судебная практика: Постановление ФАС Уральского округа от 03.05.2011 № Ф09-1904/11-С5 по делу № А60-21674/2010-С7[6]; Постановление ФАС Уральского округа от 27.09.2010 № Ф09-7816/10-С3 по делу № А76-1612/2010[4].

По мнению автора, необходимо разделять существенные условия договора и обязательные элементы письменной формы договора, поскольку последствия их отсутствия в договоре различны.

Полагаем, что обязательные требования к договору на проведение оценки, указанные в ст. 10 Закона об оценке [7] являются дополнительными элементами письменной формы договора на проведение оценки, а не его существенными условиями. Позиция автора строится на нормах Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2].

В частности, согласно абз. 3 п. 1 ст. 160 ГК РФ законом, иными правовыми актами и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должна соответствовать форма сделки (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и т.п.), и предусматриваться последствия несоблюдения этих требований [2].

Считаем, что обязательные требования к договору на проведение оценки, указанные в ст. 10 Закона об оценке являются дополнительными элементами письменной формы договора на проведение оценки [7].

Пункт 1 ст. 162 ГК РФ также предусматривает, что если последствия их несоблюдения не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки (п. 1 ст. 162 ГК) [2].

Соответственно, приходим к выводу о том, что, поскольку Закон об оценке не содержит последствий несоблюдения письменной формы договора на проведение оценки, неуказание какого-либо из дополнительных элементов письменной формы договора, отраженных в ст. 10 Закона об оценке [7] не влечет незаключенность договора. В этом случае применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки, предусмотренные п. 1 ст. 162 ГК РФ, а именно, стороны лишаются права в случае спора ссылаться в

подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишаются права приводить письменные и другие доказательства [2].

Рассмотренные нами обязательные требования к форме договора на проведение оценки не являются его существенными условиями, за исключением тех, которые характеризуют предмет договора в связи со следующим: согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [2].

То есть, поскольку дополнительные элементы письменной формы договора на проведение оценки, отраженные в ст. 10 Закона об оценке [7] не требуют согласования, за исключением размера денежного вознаграждения, они не могут являться существенными условиями договора, так как не соответствуют п. 1 ст. 432 ГК РФ [2].

По мнению Д.С. Кондрашова, существенными условиями договора на проведение оценки являются условия о предмете договора, то есть объекта и цели оценки, вида определяемой стоимости, а также о размере вознаграждения оценщика за оказание услуг» [3; с.10]. Разделяя данную позицию в части рассмотрения в качестве существенных условий договора его предмет, тем не менее, полагаем, что размер вознаграждения оценщика не может являться существенным условием договора, поскольку к данному условию применимы положения п. 3 ст. 424 ГК РФ [2]. Таким образом, существенным условием договора на проведение оценки, по мнению автора, является только его предмет.

Резюмируя изложенное, отметим, что с позиции автора обязательные требования к договору на проведение оценки, указанные в ст. 10 Закона об оценке [7] являются дополнительными элементами письменной формы договора на проведение оценки. При этом, в случае если в договоре на проведение оценки не содержатся вышеуказанные дополнительные элементы, договор не может считаться недействительным.

На основании проведенного исследования, нами сделан вывод о том, что договор на проведение оценки должен содержать как основные элементы письменной формы договора, указанные в качестве таковых в абз. 1 п. 1 ст. 160 ГК РФ [2], так и дополнительные элементы.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Старооскольского городского суда Белгородской области по делу №11-12/2015 от 30.01.2015 г. // Документ опубликован не был. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/uaJD3HgVnK6I/>. (Дата обращения: 12.11.2015 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) №51–ФЗ от 30 ноября 1994 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
3. Кондрашов Д.С. Гражданско-правовое регулирование оценочной деятельности в России: проблемы теории и практики. автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – М. – 2012. – 30 с.
4. Постановление ФАС Уральского округа от 27.09.2010 № Ф09-7816/10-С3 по делу №А76-1612/2010/ Официальный сайт АС Уральского округа. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.11.2015 г.).
5. Постановление ФАС Уральского округа от 02.03.2011 № Ф09-759/11-С3 по делу №А60-18393/2010-С7 от 02.03.2011 г. //Официальный сайт АС Уральского округа. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.11.2015 г.).
6. Постановление ФАС Уральского округа от 03.05.2011 № Ф09-1904/11-С5 по делу №А60-21674/2010-С7 // Официальный сайт АС Уральского округа. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.11.2015 г.).
7. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. №135–ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3813.

4.2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Потапова Елена Анатольевна

*ст. преподаватель,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
РФ, г. Новосибирск*

Дресвянская Валерия Игоревна

*студент, Сибирский государственный университет путей сообщения,
РФ, г. Новосибирск*

PROBLEMS OF ANTI-CORRUPTION AT THE MUNICIPAL LEVEL

Elena Potapova

*Senior professor, Siberian state transport university,
Russia, Novosibirsk*

Valeriya Dresvyanskaya

*Student, Siberian state transport university,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. Коррупция является одним из самых опасных явлений, как для общественной жизни, так и для государственного и муниципального управления. В статье рассматриваются проблемы противодействия коррупции в органах муниципальной власти.

Abstract. Corruption is one of the most dangerous phenomenon for social life as well as for state and municipal management. The article gives observation of anti-corruption problems in the organs of the municipal authority.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; коррупционная преступность; муниципальная власть.

Keywords: corruption; anti-corruption; corruption crime; the municipal authority.

Коррупция несет угрозу национальным интересам России, а также наносит большой вред безопасности нашей страны. На сегодняшний день Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции является основным комплексным международно-правовым актом, регулирующим вопросы противодействия коррупции в государствах – участниках ООН, состоящий из 8 глав, включающих 71 статью [3, с. 7-54]. С момента вступления в законную силу Конвенция стала неотъемлемой частью законодательства и основой для принятия соответствующих правовых актов антикоррупционной направленности в Российской Федерации.

Помимо Конвенции ООН против коррупции к международным правовым источникам антикоррупционной направленности относят ряд конвенций, деклараций, резолюций и законов таких как: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию [7, с. 105-120]; Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций [5, с. 223-245]; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [4, с. 51-83]; Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях [2, с. 220-223]; Резолюция Комитета министров Совета Европы «О двадцати принципах борьбы с коррупцией» [10, с. 55-56]; Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [6, с. 72-85] и другие. Указанные нормативные правовые акты, безусловно, также являются источниками отечественного законодательства противодействию коррупции.

В Российской Федерации правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации [8], общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [13], Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [12] и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции.

Официальное толкование коррупции согласно Федеральному закону от 25.12.2008 г № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»

дается следующим образом: Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица (ст. 1. п. 1 ФЗ «О противодействии коррупции») [13].

В Новосибирской области действует программа «Противодействие коррупции в Новосибирской области на 2016-2017 годы» [9, с.2], приняты действенные меры, направленные на профилактику и выявление фактов этого вида уголовного преступления. Ведётся активная работа по формированию в обществе антикоррупционного правосознания, нетерпимости к коррупционерам, осуждения фактов злоупотребления и коррупции гражданами.

Современное состояние коррупционной преступности в РФ характеризуется следующими показателями. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, по ст. 285 УК РФ [11] – злоупотребление должностными полномочиями за октябрь 2016 года зарегистрировано 2 112 преступлений, по ст. 290, 291, 291.1 УК РФ (взятничество) зарегистрировано 10 972 преступлений, что на 11,2 % меньше, чем за сентябрь 2016 г. [1].

В январе-октябре 2016 г. выявлено 27 492 (-6,8 %) преступления коррупционной направленности. Число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), в Российской Федерации снизилось на 2,6 % (с 5 769 до 5 621) [1].

Согласно аналитической справке Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за 2015 год», среди осужденных за преступления коррупционной направленности 833 человека являлись должностными лицами органов местного самоуправления (в 2014 году – 859), из них 295 – главами муниципальных образований и местных администраций (в 2014 году – 290). Среди привлеченных к уголовной ответственности 120 (в 2014 году – 120) депутатов органов местного самоуправления [1].

Как правило, должностные преступления совершаются Главами местных администраций. Например, заместитель прокурора Курганской

области утвердил обвинительное заключение по уголовному делу в отношении главы администрации Кетовского сельсовета Александра Носкова. Он обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 290 УК РФ (получение взяток в значительном размере), ч. 2 ст. 285 УК (злоупотребление должностными полномочиями). По версии следствия, А. Носков, являясь главой сельского совета, в 2013 году за денежные вознаграждения на общую сумму 300 тыс. рублей, оказал содействие своему знакомому в предоставлении в аренду трех земельных участков общей площадью 4,1 га, расположенных в Кетовском районе, под видом создания питомника для декоративных культур. Фактически использовать по назначению земельные участки знакомый А. Носкова не намеревался, впоследствии выкупил их по кадастровой стоимости, которая в несколько десятков раз была меньше рыночной. В результате, своими действиями глава сельсовета причинил районному и муниципальному бюджету ущерб на сумму более 4 млн. рублей.

Или еще один пример. В прокуратуре Чеченской Республики утверждено обвинительное заключение по уголовному делу в отношении Имана Ярычева по ч. 2 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями, совершенное главой органа местного самоуправления). По версии следствия, с 2013 года по 2015 год Ярычев, будучи главой Куларинского сельского поселения Грозненского муниципального района, выдал 110 жителям села выписки из похозяйственных книг с заведомо ложными сведениями о возникновении у них с 1997 года по 2001 год права на постоянное (бессрочное) пользование земельными участками. Впоследствии с использованием выданных Ярычевым документов жителями села зарегистрировано право собственности на земельные участки, которые им фактически не принадлежали.

Следует отметить, что коррупция как сложное социально-правовое явление имеет внутреннюю структурированность, определение которой имеет немаловажное значение для разработки методов и средств ее угнетения и преодоления. Эффективность правового воздействия предопределяется избранными направлениями реализации правовой политики, решением вопросов институционализации и инструментальной сущности.

Использование на национальном уровне специальных мер по снижению уровня коррупционной преступности предполагает осуществление во избежание криминализации отношений в системе органов государственной власти и самоуправления согласованной деятельности органов государственного контроля (надзора) и институтов гражданского общества, одобрение государством деятельности

негосударственных институтов, общественных объединений граждан, консолидирующих в рамках правового поля усилия по предупреждению преступлений коррупционной направленности.

Необходимость изменения отношения населения к коррупции отмечается многими исследователями. Наряду с формированием отрицательного отношения к любым коррупционным проявлениям в общественном сознании необходимы эффективные меры по профилактике коррупции среди государственных и муниципальных служащих. В качестве указанных мер выступают кадровые технологии, которые применяются на различных этапах работы с кадровым составом.

При приеме на государственную и муниципальную службу в качестве таких технологий могут быть использованы: собеседование; получение сведений о доходах и расходах государственного служащего, а также членов его семьи; анкетирование; тестирование, в том числе и психологическое.

Для действующих сотрудников органов государственной и муниципальной власти применяются квалификационные экзамены, аттестации, а также текущий мониторинг, который включает в себя, в том числе и анализ сведений о доходах и расходах государственного служащего, а также членов его семьи.

Немаловажное значение для преодоления коррупции в органах государственной и муниципальной власти имеет оценка психологических факторов коррупционного поведения среди государственных и муниципальных служащих как индивидуально-психологических и социально-психологических, так и ситуационных. Оценка этих факторов и выработка адекватных стратегий по их преодолению должна входить в задачи кадровых подразделений, работа которых в настоящее время характеризуется большой степенью формализма.

Список литературы:

1. Аналитическая справка «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за 2015 год» // Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/anticor/doks/document-1124022/> (дата обращения: 09.12.2016).
2. Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях (принята 16.12.1996 Резолюцией 51/191 на 86-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник материалов о противодействии коррупции. – 2010. – № 3. – С. 220–223.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10. – С. 7–54.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник материалов о противодействии коррупции. – 2010. – № 3. – С. 51–83.
5. Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций (принята 21.11.1997 Конференцией полномочных представителей стран-членов ОЭСР) // Сборник материалов о противодействии коррупции. – 2010. – № 3. – С. 223–245.
6. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (принята в г. Париж 21.11.1997; пересмотренные рекомендации приняты 23.05.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 7. – С. 72–85.
7. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (принята 27.01.1999) // Сборник материалов о противодействии коррупции. – 2010. – № 3. – С. 105–120.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
9. Постановление Губернатора Новосибирской области от 01.06.2016 № 126 «Об утверждении программы «Противодействие коррупции в Новосибирской области на 2016 – 2017 годы» // Советская Сибирь. – 08.06.2016. – № 23. – С. 2.
10. Резолюция Комитета министров Совета Европы «О двадцати принципах борьбы с коррупцией» № (97) 24 (принята Комитетом министров 6.11.1997 на 101-й сессии) // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 7. – С. 55–56.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
12. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.
13. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.

4.3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Абдрашитов Вагип Мнирович

*канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории права и государства
ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
РФ г. Волгоград*

Дзейтов Харон Ахметович

*студент ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
РФ г. Волгоград*

Рекутин Владислав Александрович

*студент ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
РФ г. Волгоград,*

THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL CRIMINALITY

Vagip Abdrashitov

*candidate of jurisprudence, assistant professor of theory
and history of law and state, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Charon Dzeytov

*student Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Vladislav Rekutin

*student Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Аннотация. Данная статья рассматривает вопросы борьбы с международной преступностью. Особое внимание уделяется криминальным рынкам как причинам международной преступности.

Автор выделяет два направления борьбы: нормативное и процессуальное.

Abstract. This article considers the fight against international criminality. Particular attention is paid to the criminal markets as the cause of international criminality. The author distinguishes two areas of the fight: normative and procedural.

Ключевые слова: международная преступность, международное сотрудничество, криминальные рынки, Интерпол.

Keywords: international criminality, international cooperation, criminal markets, Interpol.

Современные процессы глобализации затронули, в том числе, и характер преступности, которая теперь стала все чаще связываться с нарушениями уголовного права двух и/или более стран. Такую преступность криминологи называют международной, или транснациональной [12, с. 9]. Международная преступность включена в перечень глобальных проблем человечества, поскольку борьба с ней требует совместных усилий, сотрудничества, обмена опытом среди многих государств.

Как справедливо отмечает И.Я. Казаченко «транснациональная преступность достигла значительных масштабов и угрожает экономическим основам безопасности любого и каждого государства и мировому сообществу в целом» [9, с. 129]. Транснациональная преступность ведет к росту теневой экономики, благодаря которой еще больше увеличивается количество преступлений.

В силу п. 2 ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 международным считается преступление, которое совершено:

- 1) более чем в одном государстве;
- 2) в одном государстве, однако значительная его часть (подготовка, планирование, руководство или контроль) происходит в ином государстве;
- 3) в одном государстве, однако с участием организованной преступной
- 4) группы, чья преступная деятельность осуществляется более чем в одном государстве;
- 5) в одном государстве, однако существенные его последствия наступают в ином государстве [3].

Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC) в своем докладе «Транснациональная организованная преступность:

глобализованная нелегальная экономика» [11] отмечает, что проблемы транснациональной организованной преступности зачастую являются следствием факторов, не связанных с конкретными людьми, на которых можно наложить конфискацию или арестовать. Значительная доля потоков незаконного оборота обуславливается влиянием мирового рынка, а не выступает в качестве результата тайного сговора каких-либо преступных групп.

В этой связи, современная организованная преступность представляет собой не столько группы тех или иных лиц, которые занимаются различной незаконной деятельностью, сколько группы незаконных видов деятельности, которыми и занимаются данные группы и отдельные лица. Арест отдельных лиц и их объединений не приостанавливает соответствующую деятельность, так как по-прежнему функционирует незаконный рынок, стимулируя других к участию в нем, да и до вынесения обвинительного приговора и вступления его в законную силу обвиняемый еще не считается законом виновным, поэтому к нему не могут быть применены меры уголовного наказания, а порой следствие не может установить достаточные для суда доказательства вины члена международной преступной группы, и он довольно быстро освобождается из-под стражи [1, с. 52].

Соответственно, для решения данных проблем необходим комплексный инструментарий, который будет заключаться не только в пресечении последствий незаконной деятельности (международной преступности), но и ее причин (незаконных рынков). Речь идет о таких транснациональных криминальных рынках, как торговля людьми, оборот контрафактной продукции, природных ресурсов, наркотиков, оружия и т.д.

Как представляется, борьба с причинами международной преступности должна идти по двум направлениям: 1) нормативное – совершенствование системы международного правового регулирования в данной сфере; 2) процессуальное – повышение эффективности двустороннего и многостороннего сотрудничества государств. Рассмотрим данные направления более подробно.

Совершенствование системы правового регулирования заключается в доработке уже имеющихся международно-правовых документов и (при необходимости) разработке новых, которые должны служить нормативной базой для международного сотрудничества в борьбе с международной преступностью. Так, на территории СНГ действует ряд региональных международных актов, в которых содержатся нормы, регулирующие сотрудничество государств – членов СНГ по

вопросам международной преступности. Условно их можно разделить на модельные кодексы (например, Модельный уголовно-процессуальный кодекс СНГ от 17.02.1996 [5]), концепции (например, Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма от 26.08.2005 [4]), рекомендации (например, Рекомендации по гармонизации и унификации законодательства государств-участников СНГ о пограничных ведомствах (силах) от 03.12.2009 [8]), межгосударственные программы, соглашения и стратегии.

Однако в исследовательской литературе отмечается несовершенство некоторых из них. Например, преподаватель кафедры конституционного и административного права в Академии Управления при Президенте Республики Беларусь Н.О. Мороз, анализируя Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 [10], отмечает, что в данном документе не содержатся нормы, закрепляющие такую современную процессуальную форму сотрудничества, как электронные запросы о правовой помощи. Кроме того, указанное соглашение не называет уполномоченные органы для работы с запросами, не рассматривает такую перспективную процессуальную форму сотрудничества, как создание совместных следственных групп, не обеспечивает необходимую защиту персональных данных [6, с. 13]. Следовательно, процессуальный инструментарий по борьбе с международной преступностью в сфере высоких технологий на территории СНГ имеет существенные ограничения и нуждается в нормативной доработке.

Эффективность межгосударственного сотрудничества по борьбе с международной преступностью лежит именно в процессуальных аспектах:

1) оперативный обмен информацией по запросам уполномоченных органов иностранных государств (в том числе широкое использование оперативных материалов НЦБ Интерпола). Так, по состоянию на 2012 год использование возможностей Интерпола позволило задержать за рубежом и экстрадировать или депортировать в Россию более 550 разыскиваемых лиц. На тот же момент из России за рубеж было выдано около 270 разыскиваемых преступников [7, с. 16];

2) создание и налаживание работы совместных органов по борьбе с определенной группой преступлений (например, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств - участников СНГ);

3) создание (при необходимости) межгосударственных следственно-оперативных групп;

4) использование последних научных достижений (электронные запросы, создание и объединение электронных баз данных и т.д.);

5) оказание профессионально-технической помощи (например, оснащение правоохранительных органов новейшими техническими средствами, необходимыми для борьбы с международной преступностью). Так, обнаружить взрывчатые вещества в багаже пассажиров авиатранспорта может лишь довольно сложная и дорогостоящая аппаратура, которую отдельные государства приобрести не в состоянии;

б) иные формы совместной работы.

Так, например, МВД России в рамках борьбы с международной преступностью в сфере экономики направило на работу за рубеж восемь своих представителей, которые работают в следующих странах: Армения, Азербайджан, Израиль, Китай, Палестина, США, Франция, Швейцария [2, с. 40]. Представляется, расширение круга стран с представителями МВД России, а также более тесный обмен оперативной информацией окажет существенное влияние на борьбу с международной преступностью.

Кроме того, в комплексе с другими мерами следует использовать экономические меры борьбы с причинами международной преступности – криминальными рынками. Такие меры должны быть направлены на восстановление деформированных отношений различных сфер экономики и финансов (например, создание благоприятных условий для производства конкурентоспособной продукции, отвечающей современным требованиям научно-технического прогресса).

Учитывая изложенное, в борьбе с международной преступностью можно выделить два направления: нормативное (разработка и доработка нормативной базы для международного сотрудничества) и процессуальное (межгосударственное сотрудничество в рамках данной нормативной базы). В рамках последнего следует выделить такие направления, как оперативный обмен информацией и использование оперативных материалов Интерпола, создание межгосударственных следственно-оперативных групп, использование последних научных достижений, оказание профессионально-технической помощи и т.д. Кроме того, борьба с международной преступностью должна включать в себя и борьбу с ее причинами (криминальными рынками), без которой вся вышеуказанная деятельность может оказаться бесполезной тратой времени, ведь стимул получить хоть и

нелегальный, но высокий заработок будет привлекать в международные преступные группы все новых и новых людей.

Список литературы:

1. Абдрашитов В.М. Уголовно-правовые основы и аспекты влияния международного и европейского права на формирование и развитие механизмов защиты прав и свобод человека // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 3. - С.50 - 53.
2. Гриб В.Г., Васюков С.В. О международном сотрудничестве в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием банковских карт // Российский следователь. - 2013. - № 6. - С. 35 - 40.
3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3882.
4. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (принята в г. Казани 26.08.2005) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Модельный уголовно-процессуальный кодекс СНГ от 17.02.1996 [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения 20.12.2016).
6. Мороз Н.О. Актуальные вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий в рамках СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - № 3. - С. 12 - 14.
7. Паненков А.А., Осипов В.С. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Проблемы экстрадиции и неотвратимости наказания за террористическую деятельность // Военно-юридический журнал. - 2012. - № 7. - С. 13 - 20.
8. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 03.12.2009 № 33-17 «О Рекомендациях по гармонизации и унификации законодательства государств-участников СНГ о пограничных ведомствах (силах)» [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <http://naviny.org/2009/12/03/by23236.htm> (дата обращения 20.12.2016).
9. Право Всемирной торговой организации: влияние на экономику и законодательство государств Европейско-Азиатского региона / В.Н. Архангельский, В.С. Белых, Л.Н. Берг и др.; отв. ред. В.Д. Перевалов. - М.: Статут, 2014. - 159 с.
10. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минск 01.06.2001) // Собрание законодательства РФ, 30.03.2009, № 13, ст. 1460.

11. Транснациональная организованная преступность: глобализованная нелегальная экономика [Электронный ресурс] - Режим доступа - URL: <http://www.unodc.org/toc/ru/crimes/organized-crime.html> (дата обращения 20.12.2016).
12. Трунцевский Ю.В. Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2014. - № 3. - С. 9 - 12.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Волостных Владимир Сергеевич

*аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск*

INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF STATES FOR UNLAWFUL INTERFERENCE IN CIVIL AVIATION ACTIVITIES

Uladzimir Valastnykh

*postgraduate of Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы выполнения государствами взятых на себя обязательств по обеспечению безопасности полетов, в частности, ответственность государств за предотвращение незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы. В ходе работы над статьей были применены системный и функциональный общенаучные методы исследования, и общие логические приемы, такие как анализ, синтез и др.

Abstract. This article discusses the implementation by States of their obligations to ensure safety, in particular, the responsibility of States to

prevent unlawful interference with civil aviation. The methodological basis of the study constitute the general scientific and specialized legal methods. While working on the article were applied systemic and functional scientific methods of research and common logic techniques, such as analysis, synthesis, and others.

Ключевые слова: запретная зона; безопасность полетов; военная деятельность.

Keywords: restricted area; safety; military activities.

Исходя из повышенной опасности деятельности гражданской и государственной авиации, перед международным сообществом постоянно стоит задача обеспечения безопасности полетов воздушных судов. Поэтому вопрос международно-правовых обязательств государств по обеспечению безопасности полетов в суверенном воздушном пространстве, имеет приоритетное значение.

Обеспечение безопасной деятельности гражданской авиации на протяжении многих десятилетий является одной из приоритетных задач, решаемых государствами и Международной организацией гражданской авиации (далее – ИКАО).

Несмотря на то, что с начала XX в. в международном воздушном праве, ИКАО был выработан целый ряд универсальных международных договоров, которые содержат в себе нормы об ответственности государств по обеспечению безопасности полетов, следует констатировать, что на сегодняшний день существует ряд неурегулированных вопросов в этой сфере, которые несут потенциальную, но вполне объективную угрозу безопасности гражданской авиации.

К таким проблемам, прежде всего, следует отнести обязанность государств по обеспечению безопасности полетов, в частности, ответственность государств за предотвращение незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Вопросы обязанности государства по обеспечению безопасности полетов в суверенном воздушном пространстве никогда не являлись предметом комплексного исследования как белорусскими, так и российскими, иностранными учеными-правоведами с выделением всех острых стоящих нерешенных проблем. Тем не менее необходимо отметить российские работы А.А. Баталова [1], Е.О. Ганенкова [2], Р. Лули [6], А.И. Травникова [10], А.А. Эргот [13] А.А. Дементьева [3], которые на уровне кандидатских диссертаций фундаментально исследовали

ключевые аспекты института ответственности в международном воздушном праве.

Вопросы обязанности и ответственности государства за обеспечение безопасности полетов, в международном воздушном праве затронуты в научных исследованиях А.И. Травникова [10], Ю.Н. Малеева [7]. В зарубежной науке международного права также освещаются только отдельные вопросы ответственности в международном воздушном праве. Среди исследований зарубежных ученых-юристов следует выделить работы Дьедерикс-Версхута [14], Р. Лули [5, с.330-336], М. Милде [22, с.835-860], П. Мартина [21, с.126-131], Р.Х. Манкьевица [20, с.157-160], М. Франклина [15, с.128-133] и др. Общие выводы, сформулированные этими учеными, определили основные направления современных исследований в области международного воздушного права. Указанные авторы в основном фрагментарно затрагивали вопросы ответственности в международном воздушном праве. Они проводили исследования вопросов, касающихся ответственности государств за нарушение положений Конвенции о международной гражданской авиации (далее – Чикагская конвенция 1944 г.), ненадлежащее использование гражданских воздушных судов, ответственности перевозчиков и проблематике использования силы в отношении гражданских воздушных судов.

Следует признать, что существует лишь незначительное количество работ по данной тематике в российской и зарубежной доктринах международного права. В Республике Беларусь данные вопросы изучению и вовсе не подвергались, что было бы более сложным без научных разработок ученых Российской Федерации.

На сегодняшний день существует ряд неурегулированных вопросов в этой сфере, которые требуют дальнейшего глубокого изучения. В связи с этим целью данной статьи является анализ обязанности государства по обеспечению безопасности полетов в суверенном воздушном пространстве в соответствии с международными нормами с последующей выработкой предложений по дополнению существующих международно-правовых актов для устранения в перспективе указанных проблем.

Как отмечалось ранее, острой современной проблемой в международном воздушном праве является вопрос обязанности государства в противостоянии актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации и, как следствие, ответственности государства за незаконное вмешательство в деятельность гражданской авиации.

Деятельность авиации носит международный характер, поэтому для эффективного обеспечения безопасности необходимо участие всех

государств. Универсальной реализации положений по безопасности способствует разработка ряда международных юридических документов (конвенций). Они создают основу для единообразного применения во всем мире положений, касающихся обеспечения безопасности. Конвенции, перечисленные ниже, конкретно касаются воздушных судов, подвергшихся незаконному вмешательству:

- Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токийская конвенция), подписанная в Токио 14 сентября 1963 г.;

- Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаагская конвенция), подписанная в Гааге 14 октября 1971 г.;

- Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреальская конвенция), подписанная в Монреале 23 сентября 1971 г.;

- Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в Монреале 23 сентября 1971 г., подписанный в Монреале 24 февраля 1988 г.;

- Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, подписанная в Монреале в марте 1991 г.;

- Конвенция о пресечении противоправных действий, связанных с международной гражданской авиацией (Пекинская конвенция), подписанная в Пекине 10 сентября 2010 г.;

- Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Пекинский протокол), подписанный в Пекине 10 сентября 2010 г.

Эти конвенции охватывают широкий диапазон видов незаконного вмешательства, объектами которого становятся воздушные суда, аэронавигационные средства и аэропорты. В нынешних условиях наиболее важным аспектом положений, содержащихся в этих конвенциях, является то, что они накладывают на государства-участников обязательство принимать законодательство, согласно которому акты, определенные в этих конвенциях, подлежат суровому наказанию, предусмотренному законами этих государств [9].

Проанализировав вышеупомянутые конвенции, следует заметить, что существует целый спектр актов незаконного вмешательства:

- незаконный захват воздушных судов;
- разрушение воздушного судна, находящегося в эксплуатации;

- захват заложников на борту воздушных судов или в аэропортах;
- насильственное проникновение на борт воздушного судна, в аэропорт или в расположение аэронавигационного оборудования или службы;
- помещение на борту воздушного судна или в аэропорту оружия, взрывного устройства или опасного материала, предназначенных для преступных целей;
- использование воздушного судна, находящегося в эксплуатации, с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде;
- сообщение ложной информации, ставящей под угрозу безопасность воздушного судна в полете или на земле, безопасность пассажиров, членов экипажа, наземного персонала или общественности в аэропорту или в расположении средства или службы гражданской авиации [8].

Международное сообщество пытается решить эти проблемы на международном уровне уже на протяжении нескольких десятилетий.

История совершения незаконных актов в отношении гражданской авиации неразрывно связана с историей международной аэронавигации. Однако подобные акты не рассматривались в период, когда была создана Чикагская конвенция 1944 г. С середины прошлого века начался активный рост незаконных актов в отношении воздушных судов, которые, по большей части, заключались в угонах воздушных судов [11, с.104-107]. Впервые же незаконные акты в отношении воздушных судов были освящены в 1930 г., когда перуанские революционеры захватили почтовый самолет с целью сбрасывания пропагандистских буклетов над Лимой [26, с.280].

11 сентября 2001 г. вывело проблематику незаконных актов в отношении воздушных судов на совершенно иной уровень. После террористического акта в США такие вопросы, как антитеррористическая деятельность и обеспечение безопасности гражданской авиации, остро встали перед международным сообществом.

В течение последних 15 лет произошло много изменений в международном праве и национальных законодательствах с целью достижения максимальной безопасности полетов воздушных судов и обеспечения безопасности в аэропортах. Однако до сегодняшнего времени один аспект остается неурегулированным на международном уровне, а именно – ответственность государства в области авиационной безопасности. Этот вопрос широко обсуждается в

доктрине международного права [19] и по-разному решается в национальных законодательствах государств. В рамках же международного права каждое государство обязуется создавать собственные стандарты безопасности и национальные режимы по обеспечению безопасности на территории аэропортов [8].

Рассматривая национальную практику, можно сделать вывод о существовании двух подходов к вопросу обеспечения безопасности международной гражданской авиации [25]. Первый подход заключается в том, что государство несет весь спектр ответственности за обеспечение безопасности, так как именно оно является обладателем обязанностей по предотвращению актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. При втором подходе государство выступает в роли наблюдателя и координатора, а непосредственное осуществление функций по обеспечению безопасности остается за аэропортом [24, с.694].

При первом подходе государство несет ответственность за безопасность гражданской авиации и осуществляет эти функции через специальные государственные органы, такие как, например, Управление гражданской авиации (например, Великобритания), Министерство транспорта (например, Канада и Япония) или правоохранительными органами в лице полиции (например, Германия и Российская Федерация).

В качестве примера второго подхода можно привести Германию. Проведение всех необходимых мероприятий по обеспечению безопасности возлагается на региональные департаменты Германской пограничной полиции, которая является частью Министерства внутренних дел, которое, в свою очередь, несет ответственность за обеспечение безопасности как полномочный орган государства, на котором лежит обязанность по обеспечению безопасности. Сама же Федеральная полиция Германии несет ответственность только за безопасность аэропортовых периметров [3].

По общему правилу, ответственность государств по международному праву возникает тогда, когда этим государством были нарушены нормы международного права (взяты на себя обязательства) [8]. Приложение 17 к Чикагской конвенции 1944 г. устанавливает ответственность государств за обеспечение безопасности полетов следующим образом: «Первоочередной целью каждого Договаривающегося государства является безопасность пассажиров, экипажа, наземного персонала и публики в целом во всех случаях, связанных с защитой гражданской авиации от актов незаконного вмешательства» [16]. Это же было подтверждено на

Международной конференции министров по авиационной безопасности в 2002 г. в контексте, что государства должны совершать все необходимые действия и сотрудничать друг с другом для усовершенствования системы авиационной безопасности [23, с.246]. Кроме того, государства должны принимать все возможные меры для предотвращения незаконных актов использования воздушных судов [17].

Однако на сегодняшний день сложилась такая ситуация, когда подобные обязанности государств автоматически не преобразуются в ответственность по международному праву. Тем не менее более глубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что государства несут ответственность перед гражданами за авиационную безопасность.

В 2001 г. Международная комиссия по вопросам вмешательства и суверенитета, созданная под эгидой ООН в 2000 г., отметила, что суверенитет в том числе обязывает государство нести «ответственность за деятельность по обеспечению безопасности граждан» [3]. Международный совет ООН по правам человека расширяет эти положения на граждан любого другого государств [18]. Авиационная безопасность является одним из самых часто нарушаемых обязательств в предотвращении террористических атак, и было бы разумно сказать, что обязанность государств по обеспечению безопасности граждан распространяется и на вопросы авиационной безопасности.

Другим примером международно-правового закрепления ответственности государств за авиационную безопасность можно привести Европейскую конвенцию о правах человека, которая устанавливает, что государство должно принимать законы, создавать органы по осуществлению безопасности, чтобы предоставить максимально возможный уровень безопасности для своих граждан [5, с.330-336].

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение безопасности, в том числе авиационной, является безоговорочной обязанностью государства.

Совершение террористических актов на борту воздушного судна или на территории аэропорта создает ситуацию, при которой можно говорить о том, что государство не выполнило взятые на себя обязательства по обеспечению безопасности.

Как уже отмечалось выше, наличие обязанности государства по обеспечению авиационной безопасности не порождает автоматически ответственность по международному праву, т.е. государство может полностью избежать какой-либо ответственности. Представляется необходимым выработка международно-правовых норм, которые бы напрямую закрепляли ответственность государства за неисполнение

своих обязательств, в результате чего был совершен террористический акт на борту воздушного судна или на территории аэропорта.

В качестве примера можно привести трагедию уничтожения самолета Аэробус А321, который разбился на территории Синайского полуострова (Египет) 31 октября 2015 г. в результате взрыва бомбы на борту воздушного судна. На лицо факт того, что Египет не обеспечил должный уровень безопасности, в результате чего террористам удалось пронести на борт воздушного судна взрывное устройство. Хотя египетская сторона признала данный факт, ответственности Египет не понес. Все выплаты пострадавшим в результате катастрофы осуществлялись страховыми компаниями, в которых были застрахованы пассажиры. Подобное положение вещей представляется неправильным и несправедливым, ведь страховые компании не должны нести ответственность за ненадлежащее исполнение Египтом своих обязанностей.

Оптимальным решением сложившегося пробела в международном воздушном праве представляется модернизация существующих международно-правовых актов, направленных на борьбу с терроризмом при осуществлении международных полетов. В частности, необходимо установление ответственности государств за осуществление авиационной безопасности в Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.

Таким образом, необходимо модернизировать положения Чикагской конвенции 1944 г. в виде новой ст. 4 bis, в которой будет закреплена обязанность государств за обеспечение авиационной безопасности.

Список литературы:

1. Баталов А.А. Проблемы современного международно-правового регулирования воздушных сообщений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 179 с.
2. Ганенков Е.О. Перспективы международно-правового регулирования аэрокосмической навигации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 184 с.
3. Дементьев А.А. Институт ответственности в международном воздушном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016, - 188 с.
4. Европейская конвенция о правах человека, [Электронный ресурс]. - Режим доступа. — URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. (Дата обращения: 01.12.2016).
5. Лули Р. Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации (международно-правовые проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. – № 4. – С. 330–336.

6. Лули Р. Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. - 211 с.
7. Малеев Ю.Н. Международное воздушное право: Вопросы теории и практики. - М., 1986. - 240 с.
8. Приложение 17 «Безопасность» к Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. Гл. 1, [электронный ресурс]. Режим доступа. — URL: http://www.6pl.ru/asmap/Annexes//an17_cons_ru.pdf. (Дата обращения: 01.12.2016).
9. Руководство по безопасности системы организации воздушного движения, [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: http://www.aviadocs.net/icaodocs/docs/9985_cons_ru.pdf. (Дата обращения: 01.12.2016).
10. Травников А.И. Взаимодействие международно-правового и национально-правового режимов воздушного пространства: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2011. - 198 с.
11. Травников А.И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и право – Law and Legislation. М.: Юнити-Дана. 2011. - № 5. - С. 104–107.
12. Травников А.И. Аэронавигация и безопасность: монография. - М.: Проспект, 2014. - 224 с.
13. Эргот А.А. Международно-правовые проблемы регулирования деятельности авиации общего назначения: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2013, - 211 с.
14. Diederiks-Verschoor, Wassenbergh H.A. An Introduction to Air Law. - Netherlands : Kluwer Law International, 2012. - 455 p.
15. Franklin M. Code-Sharing and Passenger Liability // Annals of Air & Space Law. 1999. Vol. XXIV. - № 3. - P.128–133.
16. ICAO Doc. № AVSEC-Cof/02. [electronic resource]. Access: <http://www.avsec.com>, (Access Date: 01.12.2016).
17. International Commission on Intervention and State Sovereignty, The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. - Ottawa: International Development Research Center, 2001.
18. International Council on Human Rights Policy, Talking about terrorism. - Versoix, 2008.
19. Jung S.Y. A Legal Analysis of Aviation Security under the International Legal Regime, Institute of Air and Space Law McGill University. Montreal, 2005. P. 91; Abeyratne R. Aviation Security Law. - Berlin: Springer, 2010. - P. 291.
20. Mankiewicz R.H. A Galaxy of United Laws Will Replace the Uniform Regime Created in 1929 in Warsaw, or the Death-Blow to the Uniform Regime of Liability in International Carriage by Air // Air Law. Basel, 1976. - P.157–160.
21. Martin P. The 1995 IATA Intercarrier Agreement: an Update // Air and Space Law. 1996. Vol. XXI. - P.126–131.

22. Milde M. Liability in International Carriage by Air – the new Montreal Convention of 28 May 1999 // Uniform Law Review – Revue de Droit Uniforme. 1999. Vol. 4. - P.835–860.
23. Milde M. International Law and ICAO. Utrecht: Eleven International Publishing, 2008. - P. 246.
24. Shaw M.N. International Law. 5th ed. - Cambridge, 2003. - P. 694.
25. Study on civil aviation security financing, Summary of Final report, 2004. - P. 10. [electronic resource]. Access: [http:// ec.europa.eu/transport/themes/security/studies/doc/2004_09_study_financing_aviation_security_en.pdf](http://ec.europa.eu/transport/themes/security/studies/doc/2004_09_study_financing_aviation_security_en.pdf). (Access Date: 01.12.2016).
26. Wells A.T., Young S. Airport planning & management. - US, 2004. - P. 280.

4.4. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ НЕГАТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Шарабанов Сергей Владимирович

*аспирант, Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
РФ, г. Санкт-Петербург*

BASIC APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE NEGATIVE LEGAL RESPONSIBILITY

Sergey Sharabanov

*Postgraduate Student, North-western Institute of public administration of
the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of Russian Federation,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация: Статья посвящена анализу подходов к пониманию негативной юридической ответственности. В контексте негативной юридической ответственности большое внимание обращается на состав правонарушения, на меры принудительного воздействия, применяемые к виновному лицу.

Abstract: The article analyzes the approaches to the understanding of the negative legal responsibility. In the context of negative legal responsibility of a lot of attention paid to the composition of the offence, to measure the impact force applied to the guilty person.

Ключевые слова: негативная юридическая ответственность; ретроспективная ответственность; цель юридической ответственности; специфическая обязанность лица; особое правоотношение; мера государственного принуждения; состав правонарушения; принудительные меры воздействия.

Keywords: negative legal responsibility; retrospective responsibility; the purpose of legal liability; specific duty of a person; special relations; state coercion measure; the composition of the offense; coercive interventions.

Негативная юридическая ответственность наступает за совершение противоправного деяния, которое имело место в прошлом, поэтому её обычно называют ретроспективной (произошло от латинского слова *retro*, что означает назад, обращённый в прошлое).

Юридическая ответственность за любое виновное противоправное деяние (преступление или правонарушение) является ретроспективной. В данном случае действует правило: нет соответствующего акта – нет юридической ответственности за деяние.

Тем не менее в основе наличия разнообразных дискуссионных подходов к пониманию негативной юридической ответственности лежит важнейшая проблема её родового признака, который определяет содержательную составляющую ретроспективной юридической ответственности в теории права.

Среди всех существующих подходов к пониманию негативной юридической ответственности следует выделить четыре:

1) Юридическая ответственность - особое правоотношение.

Согласно данному подходу юридическая ответственность рассматривается, как особое правовое отношение с присущими только ему специфическими характеристиками и признаками.

В рамках данной концепции юридическая ответственность представляет собой правоотношение между государством и лицом, совершившим правонарушение, на которого возлагается обязанность понести наказание за совершённое противоправное деяние, предусмотренное в санкции нарушенной правовой нормы;

юридическая ответственность – это динамическое правоотношение, которое в свою очередь возникает из факта правонарушения между государством и лицом, совершившим правонарушение.

Из сущностного понимания дефиниций следует, что правовое явление юридической ответственности включает в себя целиком всё содержание правоотношения. При этом особое внимание направлено на важнейший и центральный компонент содержания правоотношения, которым является обязанность правонарушителя лица претерпеть неблагоприятные лишения за совершённое противоправное общественно опасное деяние.

2). Юридическая ответственность - специфическая обязанность лица.

В теории государства и права распространена точка зрения, в соответствии с которой юридическая ответственность представляет собой конкретную обязанность лица.

В данной теории признается недопустимым смешение двух понятий юридической ответственности и обязанности, так как данные категории противостоят друг другу, в свою же очередь юридической ответственности в противовес выступает такая категория как безответственность в сфере правового регулирования общественных отношений. Данный факт характеризует их как два абсолютно разных самостоятельных явления.

Данная концепция понимания юридической ответственности основана на следующих базисных положениях:

- юридическая ответственность - это обязанность лица, признанного правонарушителем, претерпеть принудительные меры, выражающиеся в ограничениях личного, имущественного, а также организационного характера;

- юридическая ответственность - это специфическая, правовая и субъективная обязанность лица, совершившего правонарушение претерпеть закреплённые в законодательстве неблагоприятные для него последствия в результате совершения им общественного опасного деяния;

- юридическая ответственность – это закреплённая в нормах права обязанность лица, совершившего общественно опасное деяние, претерпевать те или иные меры государственного принуждения, которые порицают его и заключаются в лишениях имущественного или личного характера.

3). Юридическая ответственность – мера (форма) государственного принуждения.

И.А. Кузьмин считает, что специфика мер юридической ответственности, состоит в непосредственном характере применения санкций, которые всегда создают дополнительные негативные лишения для правонарушителя [5, с. 19-22].

Принуждение представляет собой внешнее воздействие на поведение лица, которое основано на государственной силе и обеспечивающее утверждение воли государства.

Юридическая ответственность – правовая форма государственного принуждения.

Рассматриваемого подхода придерживается большое количество учёных – правоведов, которые внесли огромный вклад в теорию государства и права (А.Б. Венгеров [3, с.285], О.С. Иоффе [4, с.95], В.В. Лазарев [6, с.188-190], В.С. Нерсесянц [9, с.560] и многие другие).

Данная правовая концепция строится на следующих центральных положениях:

- принудительные меры воздействия, закреплённые в законе, применяются к виновному лицу, содержат неблагоприятные для него последствия, применяются государством в порядке, установленном законом;
- мера государственного принуждения, которая построена на единстве юридического и общественного осуждения поведения виновного лица и выражающаяся в установлении для него определённых негативных последствий в форме личных или имущественных лишений и ограничений;
- мера правового принуждения за совершение виновного противоправного деяния, которая предусмотрена санкцией нарушенной нормы и применяется к виновному лицу компетентным государственным органом или уполномоченным на это должностным лицом в установленном законом порядке.

4). Юридическая ответственность – применение мер государственного принуждения.

Как отмечает А.Е. Анохин обязанность правонарушителя подвергнуться неблагоприятным последствиям, предусмотренным санкцией нарушенной правовой нормы, присуща ответственности [1, с.17].

Главнейшей функцией права является регулирование отношений между людьми в обществе, то есть сопоставление поведения людей в соответствие с теми требованиями, которые закрепляют правовые нормы. Правовое состояние общественных отношений, получаемое в результате данного воздействия, получило название правовой порядок.

Приведённое положение основано на следующих важнейших положениях:

1) государство в лице своих органов применяет разнообразные формы принудительного воздействия для достижения правопорядка и его сохранения в дальнейшем;

2) состав правонарушения выступает необходимым основанием возникновения юридической ответственности при помощи реализации санкции нарушенной правовой нормы;

3) цель юридической ответственности состоит в претерпевании правонарушителем отрицательных последствий. Основоположники данной концепции считают, что сущность юридической ответственности непосредственно состоит в процессе применения государством принудительных мер государственного, а также реализации санкции нарушенной нормы [10, с.182].

Как одна из составляющих структурных элементов нормы права, санкция несёт за собой конкретные отрицательные последствия за несоблюдение указанной правовой нормы. В данном случае, сущность санкции нормы права представлена мерами юридической ответственности в виде определённых лишений различного порядка.

В юридической литературе приводятся следующие определения ответственности:

- применение к виновному лицу мер принудительного воздействия, которые предусмотрены санкцией соответствующей правовой нормы, выражающихся в форме ограничений или лишений как личного, так и организационного и имущественного характера;
- применение мер воздействия со стороны государства к виновному лицу за совершение им противоправных действий;
- применение государственными органами мер принудительного воздействия к лицам, нарушившим установленные законом предписания, с целью восстановления социальной справедливости или назначения наказания лицу, признанному виновному в судебном порядке.

Данную теорию поддерживают М.Н. Марченко [8, с.450], С.Н. Братусь [2, с.167], Р.О. Халфина [11, с.316-317], О.Э. Лейст [7, с.111-113] и др.

Тем не менее «в большинстве случаев у субъектов правоотношений отсутствует возможность самостоятельно исполнить юридическую ответственность либо, напротив, воздержаться от ее исполнения» [12, с.53].

Применение принудительных мер воздействия со стороны государства представляет собой целенаправленную деятельность государственных органов по использованию в отношении правонарушителей указанных мер.

Таким образом, через призму рассматриваемой позиции, термин реализация юридической ответственности в дальнейшем будет определяться как применение на практике в отношении виновных лиц принудительных мер, что в свою очередь противоречит правовым установлениям и законам формальной логики.

Критически о данной концепции отзываются Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. Они считают, что юридическая ответственность сводится не к назначению наказания и воплощению в жизнь предписаний санкции конкретной правовой нормы, так как может самостоятельно применяться и существовать без воплощения предписаний и назначения судом наказания, а вот назначение наказания и воплощение предписаний санкций всегда основываются на юридической ответственности [12, с.182].

Теоретические подходы к пониманию негативной юридической ответственности, как следует из научной литературы, носят дискуссионный и противоречивый характер.

Современное состояние теории права в части разработки важнейших аспектов юридической ответственности является размытым.

В юридической литературе насчитывается большое количество многоаспектных подходов к природе ретроспективной юридической ответственности. Установить целостность между данными позициями невозможно из-за наличия их общих характеристик и конкретных особенностей между ними. Тем не менее, каждый из подходов имеет место, так как тем или иным образом освещает определённую сторону проблемы юридической ответственности в целом.

Список литературы:

1. Анохин А.Е. Актуальные проблемы ответственности за совершение налоговых правонарушений. ... дис. . канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.Е. Анохин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004.С.162.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории) / С.Н. Братусь. - М.: Юрид. Лит., 1976. С. 215.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. –М.:«Юрид. лит.», 1975. – 880 с.
5. Кузьмин И.А. Уникальность юридической ответственности в системе мер государственного принуждения // Зимн. юрид. чт. : междунар. конф. 1 часть (теория и история государства и права, конституционное право, уголовное право и процесс) (15 февраля 2014 г., г. Санкт-Петербург) ; Фонд развития юридической науки. – СПб. : Центр академических публикаций, 2014. С.130
6. Лазарев В.В. Общая теория государства и права. - М.: Юрист, 2000. – 520 с.
7. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). Изд-во Московского ун-та, 1981, - 239 с.
8. Марченко М.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений. М., 2006. С.632.
9. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М.: НОРМА, 2001. С. 832.
10. Филатов Е.Ю. Понятие юридической ответственности // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2009. № 3. С. 131.
11. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. - М. - 1974. С. 340
12. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 950.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам III международной заочной
научно-практической конференции*

№ 1 (3)
Январь 2017 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.01.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISBN - 978-5-00021-095-6

9 785000 210956